

Анатолий Кругляков

ТА ЗАВОДСКАЯ ПРОХОДНАЯ

ПОВЕСТЬ

Я И МОИ ДРУЗЬЯ

Нас было четверо друзей. Я, Мишка Мартынов, или просто Мартын, Алька Баженов, наш «мозговой центр», Генка Губоров и Витька Медведев. Мы познакомились и подружились, когда учились в ремесленном училище. Мы были разные — и по характеру, и по росту. Мы часто спорили, но никогда не дрались. Мы были горластыми: когда шли по улице и спорили, то все прохожие шарахались в сторону. Витька у нас был могучим парнем. Рост — 185 сантиметров, вес — 85 килограммов. Если Витька сжимал кулак, то кулак его походил на автомобильную фару.

Мы играли в одной футбольной команде. Алька был вратарем, Генка и я — нападающими. В центре играл Витька, которого все дразнили «ломо-виком». Он у нас в основном нагонял страх на защитников и вратарей. Как огородное пугало. Но к пугалу привыкают птицы, так и к Витьке скоро привыкли футболисты. У защитников даже считалось в порядке вещей провести мяч между его ног.

Но коль уж зашел разговор о Витькиных ногах, то надо сказать, что они у него были огромные. Бутсы ему шли по заказу, а мяч, как известно,

круглый и для Витькиных бутс — прямо скажем — маленький. Вот Витька и мазал. Зато по ногам футболистов бил без промаха. Как-то за два тайма всех нападающих уложил. В конце встречи и самого судью с поля выгнал за грязную игру. И напрасно. Витька-то чище все равно играть не умел.

И еще один эпизод про Витьку расскажу. Пошли мы как-то на тренировку. Поле у нас — одно мучение: все в кочках, у самой реки. Бывало, как Витька лупанет по мячу, так мяч выше ворот — и в реку. Кому-то доставать надо (почему-то чаще других приходилось лезть в воду мне). В общем, одна морока, а не тренировка. Решили мы по очереди за воротами стоять и мячи ловить. Подошла и моя очередь. Витька был злой на меня за то, что я подал идею его из нападающих в защитники переквалифицировать. Кричит мне:

— Ну, Мартын-горилла, сейчас у меня покупаешься...

У нас такой порядок был: пропустил «заворотный бэк» мяч в воду, сам и достает. Я Витьке-ломовику и отвечаю:

— Костолом ты... Мяч лупишь на запад, а он летит на восток...

Набычился Витька, руки в лок-

тяж согнул и пошел на мяч. Ну, думаю, врежет по шарiku и кого ловить — вратаря или мяч — в первую очередь? Промазал Витька. Мяч спойненько в аут укатился. Алька-вратарь кочку поймал.

— Мазила... ха-ха... — схватился за живот Генка.

— Сюда мяч, на выход пасуй! — орет Витька. — Сейчас попаду.

Ему пасуют, а он все по кочкам, все по кочкам бьет. За тренировку поле от кочек очистил. А мы еще хотели воскресник устраивать. Все-таки польза от Витьки была. И немалая.

После той тренировки пришли мы к Альке домой. Закрылись в его комнате, сидим за столом и изображаем взрослых: пьем из хрустальных рюмок коньяк и курим «Казбек». Все это нам принес Алька из отцовского кабинета. Генка, слегка захмелев, стал названивать по телефону девочкам; раскраснелся, на лбу капельки пота.

— Маша, а Маша... ха-ха... Как меня слышишь? Проверочка!.. — кричит Генка. — Мы тут коньяк хлещем, Козина слушаем, блеск... Приходи, а? Не можешь, ну надо же, ха-ха...

Генка набирает другой номер.

— Валюха, чем занимаешься? Мы тут... ха-ха...

Я и Витька рассматриваем Алькины альбомы. Любит Алька фотографироваться. Вокруг него всегда вертятся ребята с фотоаппаратами. Витька переворачивает листы. Я смотрю на снимки, и некоторые мне нравятся. Вот Алька в отчаянном прыжке берет мяч. Вот вбрасывает мяч в поле. Вот он в музее. Вот верхом на старинной пушке, которая стоит у входа в музей. На лице улыбка. Масса фотографий, масса улыбок.

— Это все для тех, которые останутся после нас, — важно говорит Алька. — Думаете, им не интересно будет знать, как мы жили, как работали? Еще как интересно. Все эти альбомы,

а их у меня будет, надо думать, еще много, я подарю какому-нибудь музею. Че смеешься, Витька? Эх, понимал бы чего...

— Полина, а Полина, рванем сегодня во Дворец на танцы, — вопит в трубку Генка. — Чего сейчас делаем? Поддаем, ха-ха...

— Вот эту фотографию любой музей возьмет, — сказал Алька и достал из ящика стола альбом, раскрыл. — Дом, в котором жил Достоевский, когда приезжал в Кузнецк к Исаевой. Этот дом я успел сфотографировать. Мне папа сказал, что дом ночью раскатают бульдозерами. Понимаете, дом мешал строителям, а сносить его не разрешали. Ну и раскатали его, якобы по ошибке — и концы. Газета потом выступала, а что толку? Снесли по ошибке, и концы... Докопайся, кто виноват — не докопаешься. Я днем съездил и снял. Из редакции ко мне приходили, негатив просили...

— Ну и была статейка, читал и фотку твою видел. Так, халупа, ха-ха... — подключился Генка. — Давайте о чем-нибудь веселеньком поговорим. Альк, а где у тебя Лещенко?.. Может, скинемся?..

— Завтра игра, — не поднимая головы от альбома, сказал Витька.

— Тебе-то какая разница? Все равно по ногам лупишь. И по кочкам, — сказал я не для того, чтобы поддержать Витьку предложение, а чтобы лишний раз напомнить Витьке, что мы играем в футбол, а не в регби.

— Хорошо, ребята, я согласен, — сказал Алька. — Только нужен хороший повод, чтобы завтра физруку не стыдно было в глаза смотреть.

— А ты думаешь, что физрук по глазам узнает, что мы выпили? — спросил Генка у Альки и сам же ответил: — Ничего не увидит, ничего не узнает. И сыграем хорошо. И проиграем, так большой беды не будет. Не корову проигрываем! А повод

есть! Давайте выпьем за то, чтобы я стал известным футболистом, ездил бы за границу. Из Витьки футболиста не получится, а вот вальцовщик — иду на спор — выйдет. А ты, Алька, сталеваром бы... Звезду Героя Труда через пятилетку. Как, разве плохо?.. Ну а Мишка...

Вышла заминка. Друзья посмотрели на меня. Сказать, чтобы я стал знаменитым слесарем, не звучит. И специальность выбрал! Футболистом? Хватит одного Генки. Да и куда мне с моей внешностью! Нос приплюснутый, руки длинные, ноги короткие. Героя Труда мне с такой внешностью не присвоят. Конечно, не во внешности дело. Присвоят, конечно, если заработаю. Напечатают тогда мой портрет в газете. Люди посмотрят и скажут: «Это чей портрет напечатан?»

— Замнем для ясности, — сказал Алька, подражая известному киноартисту. — Посмотрим, что из него дальше будет получаться. Давайте поручим

ему одно дельце. Есть у меня мыслишка. Хотел сам взяться, но времени не хватает. В общем, пусть Мишка будет нашим личным тренером. Будет носить мячи и бутсы. Пусть выставляет оценки за игру, пусть ведет журнал посещаемости. А мне, ребята, поручите проверять его. Прошла неделя — журнал не заполнен — пять банок двумя резиновыми калошами по голой заднице. Я судья. Витька и Генка исполнители. Идет? Прошу поднять руки. Единогласно!

Алька обтяпал это дело так быстро, что я не успел среагировать, проголосовал против самого себя.

— А если он будет нам выставлять одни двойки и тройки, — заговорил после голосования Генка, — напишет, что Витька костолом, мазила...

— Пусть пишет все, что найдет нужным, — пояснил Алька и выставил на стол бутылку кофейного ликера. — Это из папиных запасов. Не хватит... Не бойся, Витек, пусть Мишка пишет.

ЛЕТОПИСЬ СОЗИДАНИЯ

«Во время войны с особой силой сказалась роль Кузбасса и Урала в обороноспособности Советского Союза. На уголе и металле жила почти вся военная промышленность. Кузбасс помогал освобождению Донбасса. Кузбасс участвовал в очищении советских земель от немецких оккупан-

тов. Труженики Кузбасса были незримыми участниками великого штурма Берлина... Кузбасс сыграл огромную роль в Отечественной войне, и его заслуги перед социалистическим Отечеством не забудет история». [«Правда», 27 июля 1945 г.].

В эти страдные дни кузбассовцы жили одной мыслью: «Все для фронта, все для победы!»

В первый военный год Кузбасс дал фронту большое количество артиллерийских и пехотных полков, бронепоездов и специальных подразделений. Долгим и тяжким был их ратный путь от Москвы до Берлина, от Сталинграда и Воронежа до Будапешта и Вены. Во всех решающих битвах участвовали сибиряки-кузбассовцы и проявляли стойкость и мужество, воинское

Сам-то Алька был уверен, что получить будет одни пятерки, так как считал себя вратарем номер два. Первым, разумеется, считал Льва Яшина.

ШЕФЫ ПОМОГЛИ

Страшно болит голова после вчерашней выпивки. Хорошо, что мама на работе, а то бы задала мне трепку. Вчера меня притащил домой Витька, сказал, что отмечали Алькин день рождения. Мама, конечно, поверила, потому что видела меня таким пьяным впервые в своей жизни. С ума сойти можно, что скажут те, которые останутся после нас? Пьяницы, скажут, и лгуны.

Алька, когда прочел мои заметки в дневнике, посмотрел оценки, которые я выставил после игры, сразу хотел все вычеркнуть, но под рукой авторучки с шариковым пером не оказалось. Алька заявил, что сделает это потом, когда

журнал перейдет в его коллекцию.

— Ты бы, Миша, описал, как мы в театр ходили на «Иркутскую историю». Имей еще в виду, что я Льва Толстого читать начал. Вставь, пожалуйста, это куда-нибудь, — сказал Алька.

— Вставлю, — говорю ему. — Между прочим, я тоже две недели в очереди стою за «Тихим Доном». Через день хожу в городскую библиотеку отмечаться.

Все-таки Алька парень что надо. Он меня с полуслова понимает. Он самый умный из нас. Это я говорю не в порядке — подхалимажа, а отто всей души. Люблю я к нему домой ходить, пластинки послушать, альбомы посмотреть. Как-то узнаю себя на фотографии. Стою это я на футбольном поле, у ворот, рядом с Алькой. Не то чтобы я, но похож. Он что сделал, Алька-то. Взял и подретушировал снимок. На оборотной стороне написал: «В футбольной команде ремесленного училища второго года обучения правым нападающим

мастерство и героизм. За ратные подвиги более 200 воинов-кузбассовцев Родина удостоила высокого звания Героя Советского Союза, а 34 вернулись с фронта полными кавалерами ордена Славы.

Самоотверженно трудились в годы войны шахтеры, металлурги, химики, энергетики.

ИЗ СВОДОК СОВИНФОРМБЮРО

1941 год, 25 октября. Шахтеры восточных бассейнов страны героическим трудом крепят оборонную мощь страны. Шахта «Полысаевская» треста Ленинуголь Кузбасса уже выполнила годовой план. Десятки и сотни стахановцев бассейна добились рекордной производительности труда.

1941 год, 11 декабря.

2 декабря Кузбасс выполнил годовую программу угледобычи.

1941 год, 20 декабря. Пятьсот шахтеров Прокопьевска выполняют 2—3 нормы в смену. Рабочие г. Осинники после работы в шахтах организуют воскресники по погрузке угля. Погрузочный цех шахты «Пионер», где работает много женщин, заменивших своих мужей, ушедших на фронт, выполняет план на 120—130 процентов.

1942 год, 13 февраля. Забойщик шахты «Центральная» в Кемерове Никифор Систеров, став на стахановскую вахту в честь XXIV годовщины Красной Армии, выполнил за смену 10 норм, дав стране 6 вагонов угля.

1942 год, 16 января. Листопрокатчики Кузнецкого

завода с каждым днем все увеличивают выпуск продукции. За вторую пятидневку января они дали тысячи тонн металла сверх задания.

ИЗ ЛЕТОПИСИ ГЕРОИЧЕСКИХ ЛЕТ

1941 год. На производство качественной стали и проката для танков, самолетов, боеприпасов и вооружения полностью переведен Кузнецкий металлургический комбинат. В обычных большегрузных мартовских печах началась выплавка броневой стали и проката на обычном рельсобалочном стане. Освоена технология термической обработки калиброванного бронированного листа. Всего за 35 дней был введен в действие новый термический цех. Про-

играет настоящий горилл Мишка. В том, что команда выиграла кубок, большая заслуга принадлежит Мишке».

Смотрю я на снимок, сам думаю: «Я же тебя так распишу, так распишу — твоя же рука устанет вычеркивать. Маргарита Васильевна, если прочтет, то не узнает. А если отец? Да он тебя за коньяк и ликер ремнищем отхлещет...»

И все-таки Альку я любил. Часто ходил к нему во второй мартеновский. Я практиковался в цехе КИП и автоматики. Разве это цех? Маленький кирпичный домишко. Вокруг тополя растут, летом пух с них летит. Тишина. Слышно, как на улице воровбы резвятся. Стоишь у верстака и напильником дрынькаешь. Разве это работа! Зубовный скрежет. Вот у Альки! Грохот, огонь. У печей сталевары и подручные в защитных очках да в спецодеждах лопатами шуруют. Летят искры, одежда дымится. Зимой, с одной стороны, жарко, а с другой — холодно. Знай себе подставляй к печке то левый бок, то правый. Сверху —

страшно глядеть — краны в печи металлом загружают. Натё, печи, жрите. А там, внизу, огромные ковши стоят на платформах. В них время от времени огненная река льется.

Бросаю я напильник, иду к Альке. Прохожу огнеупорный цех. Там, в углу, формовщики работают. Вот где пыли! И в этой пыли Генка формы делает. Подхожу. Но Генки нет. Он, поди, дома на кровати лежит — по телефону с девчонками треплется. Ему лучше в футбол подряд четыре тайма отыграть, чем смену здесь отдубасить. Он ведь не такой простачок, как некоторым кажется. Ну, хотя бы такой случай. Пока мы в театральном буфете за вином стояли, Генка-дубарь с девчонкой познакомился. Вот и дубарь! Это Алька ему прозвище дал. Не любит, когда Генка собирается: раз сто у зеркала галстук поправит, причесочку. Брючки выгладит, наденет, постоит у трюмо, снимет, подгладит, снова наденет. Всю душу вытянет. Алька и кричит обычно: «Ты чо, Генка, дубаришься!»

Про девчонку-то я забыл. Сидим мы за столиком. Генка подводит Таню.

катчики внесли конструктивные изменения в оборудование рельсобалочного цеха и увеличили выпуск высококачественного броневоего металла.

1942 год. Бригада А. Я. Чалкова сварила 45 скоростных плавок и выдала 3860 тонн стали сверх плана. Всего в военные годы бригада А. Я. Чалкова дала фронту 13 тысяч тонн сверхплановой стали.

Кемеровские коксохимики увеличили выжиг металлургического кокса в полтора раза, а электродного для выплавки алюминия — в пять раз. Энергетики Кузбасса увеличили мощность электростанций и проложили новые линии к шахтам, рудникам и заводам.

Как известно, в первые месяцы войны из западных районов страны в Кузбасс было перебазировано свыше 50 заводов различных отраслей промышленности. В короткие сроки они были восстановлены. Сотни нужных фронту изделий изготавливались здесь руками преимущественно женщин и подростков, воспитанников школ трудовых резервов.

К концу 1942 года Кузбасс стал одним из крупнейших экономических центров страны.

В целях дальнейшего развития производительных сил в начале 1943 года Кузбасс был выделен из состава Новосибирской в самостоятельную

область. Административным центром ее стал город Кемерово. Усиление партийно-организационной работы благотворно сказалось на темпе материального производства и развития культуры.

В военные годы валовая продукция промышленности Кузбасса увеличилась более чем в три раза, добыча угля — в 1,4 раза, выпуск продукции металлообработки и химии — в десять раз, черных металлов — в три раза, выработка электроэнергии — в два раза.

Были созданы производства алюминия, ферросплавов, пластмасс, электромоторостроения, анилиновых красителей, лекарственных препаратов...

Такая размалеванная — из медучилища. Очень приятно, говорим, познакомиться, садись, Таня, за столик. Тут Алька подвигает ей Витькин стакан. Выпила она вино, встала. Мы ей про подружек — так, мол, и так, нас четверо... Таня-то смышленная оказалась. Есть, говорит, подружки — целое общежитие. Приходите завтра, да паспорта не забудьте. Разумеется, паспорт у меня есть. Еще новенький. Неделю назад получил. Но я не пошел. Жалко новенький паспорт дежурной отдавать. А вдруг она его потеряет? Что тогда мама скажет? Алька-то с Генкой пошли, не побоялись.

Вышел это я из огнеупорного цеха. Передо мной мартены. Иду по чугунным плитам, печи считаю. Издали узнаю Альку. Долговязый, руками чего-то машет. Увидел меня, подходит.

— Ну, и жарница! Давай-ка, Мишка, газировки выпьем.

Мы подходим к будке, берем кружки и подставляем их под краники. Наливаем полные кружки, быстро пьем. Дух захватывает, в нос ударяет газом. Ставим кружки на подоконник и идем в раздевалку перекурить.

Пожалуй, хорошие мы с Алькой друзья. Нас и водой не разольешь. Но причем тут шефы? В том-то и дело, что благодаря шефам мы стали друзьями. Ведь как получилось? Приходит парень из Сибирского металлургического института к нашему директору, говорит:

— Мы не можем играть на кубок города без юношей. А где их взять?

Нашему директору не надо было долго объяснять, что к чему. Собрали нас на стадионе «Наука», разбили на команды. Весь день мы играли. А тут наши шефы стоят, кто из футболистов им понравился, в блокнотики фамилии записывают. Составили они сборную. Так мы и попали вместе. А до этого мы и не знали друг друга. Наша команда

сразу же выиграла кубок. Этот кубок и по сей день хранится под стеклом в институте.

В дальнейшем мы выиграли первое место среди училищ города и области. Но когда мы закончили учиться, наша команда, естественно, распалась. Только мы, четверо, продолжали дружить. Но это уже было не то, что раньше. Мы собирались очень редко: футбол отошел на задний план, и нам не о чем было говорить. Единственно, что нас связывало — мы иногда вместе ходили на танцы во Дворец. Вместе было веселее и, главное, безопаснее. Никто никогда к нам не придирался.

ПЕРВАЯ СМЕНА

Выхожу на улицу. Утро солнечное, теплое. Смотрю на дымящиеся трубы мартенов, на высокое, массивное здание заводоуправления, которое кажется со спичечный коробок, и сердце мое сжимается — не то от страха перед неизвестностью, не то еще от чего — и сам не могу понять. Мама вышла на балкон. Махнула рукой, крикнула:

— Иди, сынок, иди... Смелей, главное, берись за дело...

Я иду не оглядываясь, а мама, знаю, стоит на балконе и смотрит мне вслед. Думаю, что вот проучился в училище два года, часто бывал на практике на комбинате, не раз ходил по этой дорожке, а когда пришлось идти на рабочее место, то забоялся. Сомнение взяло: смогу ли я? И мне уже кажется, что ничего не умею. Хочется свернуть куда-нибудь в сторону и уйти подальше от приближающейся проходной. Оглядываюсь, а мама все стоит на балконе — чуть различимая из-за дальности расстояния, и машет рукой. Я почему-то представил себе, что она плачет. Стоит на балконе, смотрит на меня — крохотного, с наперсток, и по ее щекам текут слезы. И

у меня самого защипало глаза. Многие я потом забыл, но то июньское утро никогда не забуду.

Иду по асфальтированному тротуару. Мимо проносятся грузовики. Слева — озеро, по берегам которого растут густые клены. Еще не так давно я здесь с ребятами играл в войну. Прохожу мост. Внизу река Аба. Дальше, по левую сторону, — корпус Сибирского металлургического института, ближе — театр юного зрителя и здание ремесленного училища. А вот и заводоуправление. Над ним как бы нависают в воздухе каупера домен. Это я видел десятки раз. Но сейчас все выглядит как-то иначе. Меня пугает этот длинный и холодный туннель. Я пересекаю площадь, вхожу в туннель и оказываюсь перед проходной. Достаю пропуск, и вахтер пропускает меня на территорию комбината.

Дальше было так. Мастер подвел меня к верстаку, за которым стоял молодой низкорослый дядька. У него было широкое, открытое лицо и большая голова.

— Знакомься, привел тебе помощника, — сказал мастер.

— Чевтайкин я, — протянул руку мой шеф. — Будем, значит, работать вместе. Садись вот на этот выдвижной стул. Наблюдай. Приборы сдаем. К концу дня должны прибыть заготовки. А я тебя помню: ты в нашем цехе один раз был на практике. Дежурному слесарю помогал.

Я сижу и смотрю на Чевтайкина, который делает медицинские пинцеты из нержавейки. Ко мне подходит маленький чернявенький мужичишко и представляется: «Эпштейн, бухгалтер цеха». Он дает мне замок, просит посмотреть — замок что-то барахлит. Ключа у него нет, надо сделать. Чевтайкин кивает мне, говорит:

— Бери, Миша, делай. Нужный нам человек, уважь...

Верчу в руках замок. Я и в глаза таких не видел. В училище нас не учили замки делать. С мольбой о помощи смотрю на Чевтайкина, но он как будто не видит моей растерянности. Делать нечего, беру зубило и молоток, зажимаю замок в тисы, срубаю заклепки, и замок разваливается. Разглядываю запчасти, пытаюсь найти поломку, но ничего не нахожу. Мелькнула мысль: а может Эпштейн решил надо мной, новичком, подшутить? Подсунул исправный замок и сейчас сидит у себя в конторе и похохатывает. Я поворачиваюсь к Чевтайкину и говорю уверенно:

— Шеф, замок в исправном состоянии...

Чевтайкин занимается своим делом и даже не смотрит в мою сторону. Я пытаюсь собрать замок, но не получается. А как подогнать ключ? Фу ты, да ключ у Эпштейна есть, конечно, это он так — арапа заправляет, тень на плетень наводит. Я заворачиваю детали замка в газету и швыряю в окно.

Зазвенел звонок. Слесари достали из столов свои «тормозки», развернули, разложили на верстаках бутерброды. Я пошел в столовую огнеупорного цеха. Очень жаль, что Генки нет. И поделиться-то впечатлением не с кем. Генка попал все-таки в команду мастеров. Играть теперь в «Металлурге». Я только невезучий — с исправным замком полсмены провозился. И к Альке я не успею. Ладно, я ему позвоню...

После обеда ко мне подходит Эпштейн, скромно улыбается, тихо спрашивает:

— Ну как, Миша, посмотрел замочек? Что там такое было?..

— Ничего в нем такого не было... Выбросил я его... — ответил я Эпштейну на ухо. — А зачем вы мне исправный замок принесли? Похохмить захотели, да?.. У меня такие номера не проходят!

— Исправный? Что ты говоришь! Ну

надо же... — удивился Эпштейн. — Извини, Миша, извини...

Эпштейн раскланялся со мной и ушел. А тут как раз и привезли заготовки.

ЭТА ОДНООБРАЗНАЯ РАБОТА

В мастерской, куда я пришел, стал четвертым. Начну по порядку. Кроме меня мой шеф, Чевтайкин, слесарь пятого разряда. Он еще славится тем, что может по спору целый час проплясать на одной ноге. Он сразу же предложил мне пари, но я отказался.

Большой интерес у меня вызвал Букин, слесарь шестого разряда. Букина многие за глаза звали мореманом, хотя он и не служил на флоте. Он очень любил море, и эту свою любовь выражал тем, что делал на себе наколки. В тот момент, когда я его узнал, на его теле уже не было свободного места. Спина, грудь, плечи и другие места были разрисованы якорями и русалками, морскими звездами и медузами. Когда я впервые увидел его в мойке, то спросил, придерживаясь, на мой взгляд, морской терминологии:

— Ты, Букин, на какой посудине плавал? А в какой луже — черной или тихой? Держи краба!..

— Отвали, букварь! Вмажу!!! Ух, век свободы не видать...

Я отошел от него в противоположный угол, а Чевтайкин протянул мне мочалку, приглашая потереть ему спину, шепнул: «Букин не любит, когда его про службу пытаются. Он ведь не плавал, а на якоре сидел...» Я понимающе кивнул и больше с Букиным про море никогда не заговаривал.

Пожалуй, самой яркой и впечатляющей личностью был Монсаров. У него был самый высокий, восьмой разряд слесаря. В дальнейшем я никогда не встречал слесарей с таким разря-

дом и вообще сомневаюсь, есть ли такие. Мне кажется, Монсаров был единственным человеком не только в нашем цехе, но и на всем комбинате, который имел восьмой разряд. И все потому, что собирал киповские приборы. Когда-то Монсаров делал приборы один. Но с годами нужда в приборах возрастала, и Монсарову дали помощников.

Когда работы было много, Монсаров молчал, низко склонив голову над верстаком. Но как только его верстак освобождался от приборов, а это бывало в конце месяца, Монсаров поворачивался к нам и начинал «травить» анекдоты. Мы хохотали, держась за животы. У меня от долгого смеха давило в висках и болел затылок. Я часто не выдерживал и выходил из мастерской.

Монсаров за несколько месяцев, что я проработал с ним, рассказал массу смешных историй. Откуда он их брал? Мы знали, что Монсаров не любил ходить в гости, и к нему никто не ходил. Он жил с большим семейством за городом, в своем доме. Наверное, сочинял все сам... Но вот через несколько лет мне довелось читать произведения И. Бабеля, и я с удовольствием заметил, что многое мне знакомо. Вот тогда я и вспомнил нашего Монсарова.

У меня четвертый разряд. И делаю я самую черновую работу. И получаю меньше всех. Я опиливаю дюралевые корпуса приборов, которые поступают к нам из литейного цеха. Сверлю на станке четыре отверстия, нарезаю в них резьбу метчиками, а затем крашу корпуса вонючим кузбасс-лаком. Когда корпуса готовы, я торжественно ставлю их перед Чевтайкиным. Он делает к ним защелки, стрелки-самописцы, барабаны, вставляет стекла. Далее корпуса поступают к Букину — «мореману», который делает часовые механизмы. Потом корпуса попадают к Монсарову.

Меня угнетала эта однообразная работа, и я с удовольствием брался за любую другую, которую мне доверяли. Особенно часто приходилось разбивать наши же старые приборы, которые по каким-либо причинам выходили из строя. Бывало, привезут машину приборов, и я, не дожидаясь, когда мне скажет Монсаров, достаю из-под верстака кувалду и бегу во двор цеха. Я лупил приборы кувалдой, они раскалывались, как грецкие орехи. Я клал дюралевые осколки в одну сторону, а медь и бронзу — в другую. Букин, высунувшись из окна, кричал:

— Лупи, лупи их, Миша! Металлом нужен. Без работы сидим. Круши их, век свободы не видать...

Мне было непонятно, то ли Букин смеялся надо мной, то ли, как и я, презирал эти приборы. Но спросить у него об этом я побаивался. Мало ли чего может выкинуть этот прибалтненный «мореман». Пусть кричит себе, если ему нравится.

Тут из литейного привозили новые отливки — грязные, дымящиеся, в окалине. Ну, держитесь, зубила и напильники! И я, морщась, возвращался в мастерскую. Начинать все сначала.

ВСТРЕЧА С ТАНЕЙ

Воскресенье. Июль-то у нас жаркий. Даже асфальт на шоссе плавится. С утра начало жечь. Да так запарило, что дышать стало нечем. Порубал я толченой картошки с молоком и пошел искупаться. Хорошо хоть речушка близко, а то бы сгорел начисто. Искупаюсь, иду домой. Сам думаю: надо к Альке наведаться. У меня четвертая есть. Я с мамой договорился, что с получки и аванса оставляю себе по четвертной на карманные расходы. Сагитирую Альку на водную станцию купаться, пиво попить. Может, у него сейчас Генка с Витькой?

Алька на проспекте Кирова живет. Поднимаюсь на второй этаж, звоню. Дверь открыл Алька. Он был в трикотажных тренировочных брюках, без рубашки. Улыбка во все лицо.

— Заходи, Миша, коньяк есть. Смотри не испугайся: у меня Таня! Она в купальнике, мы тут загораем. И ты сбрасывай рубашку.

Что мне пугаться, я девчонок не видел, что ли? Таню помню. В театре познакомились. Из медучилища. Такая была красивая. И чего они тут собрались? На балконе загорают, пластинки слушают? Алька чего-нибудь да придумает. У Альки балкон огромный. Танцуй хоть на голове. С улицы не видно, потому что тополя закрывают. Захожу в Алькину комнату. Таня сидит за столом. Она в купальнике, такая миниатюрная, хорошенькая. Я останавливаюсь в дверях, и Алька подталкивает меня в спину. Таня смотрит на меня веселыми глазами, говорит:

— Это и есть Мишка? Да, да, узнаю. Ах, какой скромница, а покраснел-то как, — рассмеялась она. — Чего к нам в общежитие не ходишь? Мы тебе такую же девчонку-мартышечку подыщем...

Я сел за стол. Алька налил в рюмки, произнес тост за дружбу. Меня недоумение взяло: почему Таня у Альки, она же с Генкой ходит?

— Таня, — повернулся я к ней и в упор поглядел на ее купальник. — А где Генка? Сейчас придет, да?

— Какой ты, Миша, нетактичный! — фыркнула Таня. — Генка «волдырь» гоняет, как он сам выражается. Уехал с Новосибирским СКА играть. А потом... я с ним давно не хожу. — Она нежно посмотрела на Альку, который вновь наливал в рюмки, пояснила: — Я теперь хожу с Алькой.

Мне было все равно, с кем она ходит. Это я так спросил, от делать нечего. Мы выпили еще по одной. Алька включил радиолу, сказал мне, чтобы

я сидел и менял пластинки. Я смотрел, как они танцуют. Алька-то долговзый, на две головы выше Тани, сгибает шею, как жираф, сутулится. А Таня — это же сказка! Фигурка! Все пляжи мира обойдешь, а такую не встретишь. Молодец, Алька! Он среди нас самый умный, Льва Толстого читает, в десятый класс вечерней школы записался. Между прочим, я от Альки не отстаю. «Тихий Дон» осилил, записался в очередь на Достоевского. Как прочел на книжке заголовок: «Записки из мертвого дома», так захотелось почитать. И я тоже записался в вечернюю школу, но только в восьмой класс. Тут уж ничего не поделаешь — Алька старше меня на два года.

Все-таки Таня правильно сделала, что выбрала Альку. Зачем ей Генка? Болтун... Футболист с шестью классами за душой, а всем говорит, что семь окончил. А я знаю, что свидетельство у него поддельное. Сам же проговорился. За язык я его не тянул.

Я налил себе в рюмку, выпил, уселся на диван.

Таня села со мной рядом, погладила меня по голове, сказала:

— Миш, а Миш, ты не обижайся, что я с тобой так, бесцеремонно...

— Ничего, Таня, не обижаюсь, — говорю я и чувствую, что краснею. — Таня, пожалуйста, убери руку с моей коленки, неудобно сидеть, честно.

Таня рассмеялась, вдруг обхватила меня за шею и стала целовать, приговаривая:

— Ух ты, какой сладенький, ух ты, гориллик мой, скромница какая, ух, покраснел-то как...

Я не сопротивлялся. Монсаров как-то говорил, что если женщина пьяная, то голова у нее чужая. Я долго размышлял над этой фразой, не мог понять, что к чему, а вот сейчас, кажется, понял.

— Нет, Алька, я отваливаю, как сказал бы наш слесарь Букин. Ну вас к

черту, — заговорил я и поднялся, осторожно отцепив от себя Таню.

Алька не стал меня задерживать. Он надел рубашку. Между тем Таня мгновенно уснула на диване. Алька подошел к ней и осторожно накрыл простыней.

— Мишка, обожди, пойдем вместе, — сказал он, взял ручку, лист бумаги и написал: «Таня, мы поехали на водную станцию купаться. Встретимся вечером. Алька».

КАК СТЕКЛО СВЕРЛИЛИ

В наш цех был принят токарь Сергей Иваницкий. Это был грузный, бесесый парень. Приехал в Сибирь из Тулы, ходил с гордо поднятой головой, при случае говорил о себе, что он мастер экстракласса, и может даже профрезеровать ушко швейной иголки.

Монсаров посмеивался, глядя на Иваницкого: поживем-де увидим. Иваницкий, надо отдать ему должное, с любым заданием справлялся успешно, а делал он поистине ювелирную работу. Я часто бывал в токарной мастерской. Это была небольшая комната, в которой стояли несколько станков — два токарных, сверлильный и небольшой импортный станочек, на котором можно было одновременно точить детали, строгать, шлифовать, фрезеровать. Именно на этом универсальном многошпиндельном станочке и работал Иваницкий.

Иваницкий, как я понял, обладал природным талантом токаря — влепую крутил рукоятки, которых было множество на этом станке. Станина в его руках двигалась то в горизонтальном, то в вертикальном направлениях; он не смотрел по сторонам — взгляд его был направлен на деталь, которую делал.

Однажды Иваницкий сказал мне:

— Что, Миша, нравится? У нас в Туле и не такие станки есть. Это что? — кивнул он на коробку скоростей.

— Коробка скоростей, — сказал я. — А это станина, вон шлиф-колесо...

— Соображаешь, — похвалил меня Иваницкий. — Давно здесь работаешь?

— Тут и соображать нечего, — ответил я. — Ты меня позови, если что сломается — страсть люблю ремонтom заниматься. Станочник я. Ремесленное училище окончил год назад...

— Чего уж там... Я как-нибудь сам справлюсь, — сказал Иваницкий. — Станочник, значит, а почему у Монсарова работаешь, а не по своей специальности? Ага, понимаю... Не доверяют еще, молодой. А ты утверждай себя. Ладно, иди, не мешай работать.

Я пошел в свою мастерскую утверждать себя. Как только вошел, мне Монсаров вручил кувалду и послал разбивать списанные приборы.

Иваницкого у нас не любили за высокомерие и хвастовство. Ему, конечно, не строили козни. Работу свою он выполнял, просто с ним без дела не разговаривали, и никто не подходил к нему, кроме меня. Иваницкий же привык, вероятно, быть в центре внимания. Когда у него выпадала свободная минута, он сам приходил в нашу мастерскую и задирался.

— Слушай, Букин, говорят, ты блоху подковать можешь, — как-то ироническим тоном сказал Иваницкий нашему «мореману». — Это, Букин, старо... Левша блоху подковал еще в прошлом веке. Ты вот что сделай: просверли-ка мне в копеечке миллиметровую дырку, а я нарежу в ней резьбу. Вот такую...

Иваницкий показал Букину монетку с дыркой, но Букин не взял ее, сказал ему:

— Ступай-ка ты отсюда, век свободы не видать! Тебе, фраер, делать нечего, да?

В другой раз, обойдя верстак Букина, Иваницкий причалил к нашему.

Он снисходительно похлопал меня по плечу, сказал Чевтайкину, моему шефу:

— В черном теле пацана держите... На побегушках он у вас...

— Чего надо, шел бы ты... У нас не принято болтаться по мастерским. Нечего мне, видишь, работы невпроворот...

— Все рационализируешь, — не унимался Иваницкий. — На заслуженного тянешь?

— Подаю иногда предложения, принимают, — огрызнулся Чевтайкин. — Ну не так, чтобы уж очень, но и не так, чтобы уж так...

Пока Иваницкий переваривал ответ Чевтайкина, появился Монсаров.

— Сергей, получи-ка наряд. И чего ты на месте не сидишь, кто за тебя работать будет? Просверли вот мне дырку, диаметр восемь миллиметров. Срочный заказ...

— Какой материал, где деталь? — с готовностью спросил у Монсарова Иваницкий — Я разве против... Да хоть десять дырок.

Монсаров протянул оконное квадратное стеклышко, примерно сто на сто миллиметров. Я удивился: подобный заказ нам раньше не давали, и в наших приборах таких деталей нет. И вообще я не слышал, чтобы сверлили стекло на обычном станке.

— Монсаров, мозги-то мне пудрить не надо, — усмехнулся Иваницкий.

— А это видишь? — Монсаров показал стеклышко с дыркой. — Еще могу такую же сделать, рядышком...

Профессиональная гордость Иваницкого была задета.

— Готовь, Монсаров, на меня представление! Считаю, что седьмой разряд токаря у меня в кармане, — разгорячился Иваницкий. — Я все твои так называемые трудные задания выполняю, сделаю и это...

Иваницкий сбегал за патроном и сверлом, подошел к станку, который

стоял у нас в углу. Слух о разговоре Монсарова с Иваницким об этом странном заказе быстро разнесся по всем этажам цеха. В нашу мастерскую набилось немало народу. И хотя начался обеденный перерыв, никто не уходил. Иваницкий резким движением руки вставил патрон в шпиндель станка, закрепил стеклышко в тисочки.

— Ну, ребята, начали! — с пафосом воскликнул Иваницкий. — Шире круг!

С бешеной скоростью завращалось сверло, коснулось стекла, и оно моментально разлетелось. Монсаров поставил перед Иваницким небольшую коробочку с квадратными стеклами, и я понял, что он специально подстроил это испытание для токаря-хвальбишки. Иваницкий убавил обороты, подал мне масленку, попросил поливать сверло маслом. И опять неудача. Иваницкий переломал все заготовки, отошел от станка, сказал:

— Монсаров обманул меня. Он дал мне обычные стекла, а у него-то дырка в химическом, небьющемся.

Присутствующие неодобрительно зашумели. Все знали, что Монсаров никогда на такой обман не пойдет. Иваницкий-то понял: Монсаров ему подсунул этот заказ, чтобы поставить его в смешное положение, и попытался выгородить себя. Но тут Монсаров подал ему свой образец. Иваницкий, как осторожно ни сверлил, разбил и его.

— Это невозможно, — сдался Иваницкий. — В наших условиях невозможно. Липа это...

Монсаров молча подошел к станку, поднял с пола кусок стекла, вложил его в деревянную коробочку из-под надфилей, налил в нее воды, настрогал хозяйственного мыла, размешал кисточкой. Когда образовалась мыльная пена, Монсаров зажал коробочку в тисы, стал сверлить. Я стоял рядом и видел, как у Монсарова на висках и шее вздулись вены, лицо побагрове-

ло, лоб покрылся крупными каплями пота.

Сверло повизгивало, стекла не было видно, но по тому, как вибрировала вода в коробке, я понял, что все идет нормально. И вот общий вздох облегчения. Я беру теплое стеклышко, потом оно переходит из рук в руки. Иваницкий здесь же, улыбается, качает головой. Монсаров снимает пиджак и остается в мокрой рубашке. И надо же было так вспотеть за какие-нибудь полторы минуты. Вот что значит уметь собраться в ответственный момент, вот у кого надо учиться работать, владеть собой. Нет, Монсаров все-таки мастер, каких поискать!

После этого случая Иваницкий умерил свой пыл, перестал задираться. Отношение к нему, хотя он и потерпел поражение в соревновании с Монсаровым, изменилось в лучшую сторону. Ему дали понять, что здесь, в КИПе, люди не лыком шиты. Работал Иваницкий хорошо, а что похвально иногда, так с кем этого не бывает.

Иваницкого стали принимать таким, каков он есть.

ПЯТИМИНУТКА

Мы чинно сидим каждый за своим верстаком. Монсаров говорит об итогах работы нашей группы за прошедший месяц: план мы выполнили на 102,3 процента. Затем Монсаров переходит к обсуждению сообразительности. Каждый из нас должен вписать в соотношение четыре-пять пунктов, в том числе одно рацпредложение. Против последнего пункта мы всегда возражали. Не обошлось без спора и сегодня. Первый начал Букин.

— Не буду подавать рацпредложение. Не о чем. Все тут уже передумано. Перестань, Монсаров, ко мне привязываться, век свободы не видать.

Монсаров поглядел на мастера, ко-

торый осуждающе покачал головой. Монсарову стало неудобно за Букина, и он заговорил укоризненно:

— Какой ты, Букин, несознательный. Мы же передовики, слесари высокой квалификации. По нас равняются остальные. Нет, Букин, думай, лучше думай.

Букин задумался, а Монсаров уже приступил к Чевтайкину.

— Как, Макар Павлович, почему не вписал пункт о рацпредложении?

— Совесть-то поймей, Монсаров, — взмолился Чевтайкин. — Я же в прошлом месяце подавал. Нельзя же без роздыху. Обождать надо. Может, через месяц-другой и придет какая идея. Дело-то, сам знаешь, у нас известное, трудно что-нибудь новое придумать.

— Ты это брось, — жестко сказал Монсаров. — До каких пор ты будешь самописцы делать вручную? А если штамп изготовить, да на прессе?.. Думай, Чевтайкин, лучше думай.

Монсаров повернулся ко мне, взял мое сообразительство, прочел:

— Не нарушать технику безопасности... Не опаздывать на работу... Э-э, не пойдет, — сказал мне Монсаров. — Надо переписать. Надо конкретнее. С цифрами, с процентами. А где пункт о рацпредложении?

— Ничего не знаю. Я же недавно из ремеслухи, — пробубнил я.

— Ну и что же? — подал голос старый мастер. Он был худой, много курил и часто кашлял. — Ты квалифицированный слесарь, к-хе, к-хе. Свежий глаз, к-хе, к-хе...

— Ничего я не могу придумать. Всю ночь думал, — чуть не заплакал я. — Appetit потерял... Уйду я от вас. И вонь эту мне надоело нюхать...

— Что еще такое? — переспросил мастер и посмотрел на Монсарова.

— О кузбасс-лаке он, — поспешил пояснять Монсаров мастеру. — Дейст-

вительно, когда Мишка красит, то дышать в мастерской нечем. А может быть, краской? Голубой, масляной? — Лицо Монсарова просветлело. — Так и запишем: «Красить корпуса приборов не кузбасс-лаком, а масляной краской. В результате улучшаются условия труда и эстетический вид приборов».

— Надоело пилить... окалину, — завыл я. — Долго. В глаза летит... Корпуса тяжелые. И браку много. Трещины в корпусах бывают. Колоть их надоело...

Монсаров вскинул руки, воскликнул:

— Дорогой ты мой! Почему молчал до сих пор? Так и запишем: «Вместо того, чтобы отливать корпуса приборов из дюрала, предлагаю делать их из листового железа. В результате экономится цветной металл. Производительность труда при изготовлении приборов повышается в семь раз при условии, что корпуса будут делать слесарь-жестянщик».

Монсаров поднял голову, улыбнулся:

— Молодец, Миша. Два рацпредложения подал. О ценности первого не берусь судить, а вот второе предложение хорошее. Петр Данилович, — повернулся Монсаров к мастеру, — нужна штатная единица, слесаря-жестянщика надо принять. И горя знать не будем. Миша нам нос утер. Вот что значит два года на слесаря проучиться. И дальше, Миша, давай в таком же духе. Ну, а Букин? Надумал чего-нибудь, Букин? — Монсаров поправил ладонью черные, курчавые волосы, а затем достал платок и вытер свое круглое, вспотевшее лицо, добавил: — Или послать тебя в ФЗО на переподготовку...

Так проходили у нас пятиминутки. Мы спорили и ругались. Мы боялись этих пятиминуток, как огня. Иногда пятиминутки оборачивались получасом, но вот что интересно: в конце кон-

цов Монсаров что-нибудь да «выжил» из нас. Наша мастерская ежеквартально выполняла план, и мы всегда получали премии.

В НОВОЙ БРИГАДЕ

Мы встретились с Игнатом Горбуновым, бригадиром монтажников-сантехников, на лестничной площадке нашего цеха.

— Здорово, волосатик. Иду к тебе, потолковать надо, — сказал Горбунов скороговоркой и поджал тонкие, злые губы. — Слышал, что уходить от Монсарова собрался? Вот что, Миша, у нас парня в армию призвали, место освободилось. Иди ко мне в бригаду. Четвертым монтажником будешь, работа сам знаешь какая: прокладываем газовые, электрические и водяные трубы для наших же приборов.

— Опять четвертым... И везде я четвертый. Четыре в квадрате получается, вот что. А когда я буду хотя бы третьим? — разочарованно проговорил я.

— Будешь, Миша, будешь, всему свое время — и вторым будешь, возможно, и первым, — успокоил меня Горбунов. — И еще одно условие, Миша. У тебя четвертый разряд, а у нас придется работать по третьему. Дело в том, что четвертый у Шорца, пятый у Аршана — оба наши старые работники. Сам понимаешь, что мы тебя будем обучать, а получать ты будешь двести, как и Шорец, то есть Сумароков. Мы его так прозвали, и не можем отвыкнуть. Ну а Шорец-то парень хороший, не обижается... В общем, Миша, ты можешь отказаться, это, знаешь, дело добровольное...

— Все понимаю, не маленький, — заверил я Горбунова. — Не надо мне лишний раз объяснять, что к чему. Когда заявление подавать?

— Зачем заявление... Будешь работать в нашем же цехе, КИПе, перехо-

дишь из одной мастерской в другую — только и всего. Завтра и перебирайся к нам — со второго этажа на первый. А с Монсаровым я уже переговорил, честно тебе признаюсь. Не хотел он тебя отпускать, но ничего не поделаешь, ты все равно бы ушел от него. А зачем отпускать свои же кадры на сторону? И я доволен, что ты не упрямый. Скажу по секрету: у нас быстрее повышение получишь, чем у Монсарова. В нашей бригаде больше трех лет не работают. Это я, бригадир, девятый год лямку тяну. Тяжело у нас, скрывать не стану. Но ты молодой, сила есть, ума, как говорят, не надо (шучу, Миша, шучу), да и тебе ли бояться трудностей?

— Я давно хотел с вами поработать, — сказал я. — Гляжу на вас — и завидки берут. Вы по всему комбинату ходите, а я сижу, в окошко поглядываю. Не по мне это. Надоели эти приборы, в гробу я их видел.

Мы пожали друг другу руки и разошлись.

Утро. Мы идем по асфальтированному шоссе. Ветер гонит навстречу пожелтевшие листья, обрывки газет. Впереди нас движется повозка с трубами. Лошадь косится на возчика, который то и дело покручивает вожжами, причмокивает: «М-но, м-но, родимая...» Трубы скрежещут об асфальт, оставляют на нем множество белых полосок, по которым всегда можно определить, в какой цех ушла наша бригада.

Горбунов вышагивает справа. Мы идем в шеренгу, лесенкой, перегородив всю дорогу. Мы в грязных и замасленных комбинезонах. За поясами — обмедненные газовые ключи, а у меня еще ножовка с запасными полотнами. Где только мне теперь ни приходится работать: в каких-то закутках, в подвалах и подземных туннелях, на высоте и чердаках, где грязь, пыль, жара и газ.

Я люблю эти утренние прогулки до рабочего места. Люблю слушать своих новых товарищей. Разговор в основном о жите-быте. Я-то помалкиваю. Мне не о чем говорить. Ребята постарше меня, армию отслужили, знают толк в жизни. Шорец женат, имеет дочку-школьницу. Аршан собирается жениться, четвертый год приглядывается. Во время работы не поговоришь — шум и гам, грохот, да и некогда. А после работы надо скорее в мойку бежать.

Шорец уже третье утро говорит об одном и том же: сколько он накануне выпил. И сегодня начал так же:

— Вышли мы из проходной — и прямо к «гадюшнику». Выпили по сто водки и по кружке пива. Потом зашли в «шайбу» и повторили. В «Голубом Дунае» посидели с часок, выпили по двести и по две кружки пива. А в пельменной мы повторили...

Шорец, чтобы не сбиться, загибает пальцы. Когда было, по его подсчету, выпито за килограмм, Аршан скептически улыбнулся, перебил его:

— Ну и темнила же ты...

Шорец кланется и божится, а затем продолжает:

— И это еще не все! Из пельменной мы зашли в «рюмочку» и выпили по бокалу шампанского. А потом... Что было потом, я не помню. Может, к концу дня у меня в голове прояснится. Кажется, что еще куда-то заходили. В общем, проснулся я дома. И видите, как огурчик.

Аршан был другого плана. Он считал себя неотразимым мужчиной. Начинал обычно так:

— Пришел я к толстушке Лидке. Сидит и скучает. Идем, говорю, в кино. Мнется чего-то. Выбрасываю пару «рваных». Побежала за бутылкой...

Потом Аршан долго и нудно рассказывает, как он с Лидухой пил, как они целовались. У меня от стыда пылали щеки и уши.

— Кончайте травить, — говорит Гор-

бунов. — Мишку-малолетку развращаете. Беспредельно...

— Какой он малолетка! — говорит Шорец. — Такой же работяга, как мы. И пусть знает наших...

Горбунов, вдруг замечтал вслух:

— Эх, рабята, вот куплю машинешку, буду выезжать с семьей на природу. Люблю грибы собирать, шишки бить...

— Игнат, задурил ты себе голову этой машинешкой, — сказал Шорец. — Был ведь человек человеком. Скопидомом каким-то стал. Позеленел, язву наживешь... И продашь свою колымагу, деньги на лекарство пойдут. Вот люди, а? Не понимаю таких людей. Нет, Игнат, давай сегодня эстафету пробежим? Четыре по сто! Как из проходной выйдем, так и побежим! Аршан и Мишка с нами...

— Эх, Шорец, — сказал со вздохом Горбунов. — Темный ты человек. Беспредельно.

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

Мы, друзья, встретились в вечерней школе. Вечер был теплый. Сейчас бы по парку побродить... Здесь, в садике, рябина красная, гроздья тяжело свисают, а стаи воробьев порхают с одного дерева на другое. Школа наша — деревянный барак — стоит напротив заводууправления, рядом с бывшим театром. С той стороны, на главной улице, громяхают трамваи, проносятся грузовики. Но во дворе школы тихо. Ученики в основном от тридцати и выше стоят группами и курят. Неподалеку от меня, под рябиной, я увидел Генку и Витьку. Подхожу к ним, и они от удивления таращат глаза. Генка говорит:

— И ты, Миша, здесь? Значит, в восьмом «а»? А я в «б»... А зачем ты здесь? Витьке разряд пообещали повысить, если он пойдет в свой девятый.

Меня тренер заставил. Хотел отдохнуть годика два. Есть же специальность! А в начальники мне пока не хочется...

Генка стоял и ломался, как съедобный пряник. Он был в новеньком полосатом костюмчике, в белой рубашке с галстуком-бабочкой. Он выставил ногу в новеньком ботинке на микропоре. Витька был все в том же помятом сером коверкотовом костюме, в котором я его привык видеть. Они оглядели меня, улыбнулись. Моя мама постаралась: купила мне костюм из черного шевиота и черную шелковую рубашку (по моей просьбе). Я надел белый галстук и белые парусиновые туфли.

— Ну и вырядился, — засмеялся Генка. — Так в пятидесятых годах фраера одевались...

— Подумаешь... — сказал я смущенно.

Подошел Алька. Вельветовая куртка с замками-молниями расстегнута, на шее белый шерстяной шарф. Брюки узкие, в клетку. Он стал важно здороваться с нами за руку.

— Здравствуйте, бродяги (что-то новое в его лексиконе), — начал болтать Алька. — Признавайтесь, что в школу пошли, последовав моему примеру. Чем мы хуже Альки? Я сыграл на самолюбии каждого из вас: никого не агитировал, а просто, между прочим, сказал, что осенью пойду в школу, помните? Моя цель, бродяги, — закончить десятый, и ты-тю... В университет, что в Питере. Я не собираюсь в марте-не заживо гнить...

— Алька, я три дня в мартене работал. Хотел с тобой поговорить об одном деле, — сказал я, чтобы остановить Алькину болтовню. Слушать его противно. — Искал, искал...

— Ха! И еще три дня меня не будет. У меня больничный. Ангина. Таня у нас в санчасти работает. Врачом. Таня, говорю, глотать больно. Она мне раз — и больничный. А я в самом деле

газировки холодной глотнул. Нет, бродяги, я не злоупотребляю. Но когда нужно...

— Ну, пошел, ребята, скоро звонок, — сказал я.

— Есть предложение, — остановил меня Алька. — Сегодня во Дворце танцы. Сорвемся? Забежим в общагу, прихватим подружек?

— Я с тобой, — сказал Генка. — Все равно в этой математике ничерта не смыслу...

«Еще бы понимал чего! Перескочил сразу через класс», — подумал я.

— Это идея, — воскликнул Витька. — Все равно сегодня организационный день, и нас скоро отпустят.

Я отказался. Неудобно как-то в первый же день срываться. Да и не люблю я эти танцы. Надоело мне стоять у стены и смотреть, как Алька и Генка с девчонками бацают.

Со мной девушки не идут танцевать. Моя внешность, наверно, им не нравится. Но я думаю, что они просто плохо воспитаны. В этом я уже убедился. Да и кто ходит на танцы? Бывшие фэззушники. Знаю, учился. Подхожу раз к одной, приглашаю:

— Разрешите, мадам, пригласить вас на этот прекрасный танец.

Девушка отказывается. Нет, говорит, и никаких объяснений. Подхожу к другой, третьей... Как сговорились. И стою у стены, злюсь на себя, думаю: «За каким чертом пришел в эту конюшню, или, как говорит Генка, на эти скачки с препятствиями? Чтобы себе же портить нервную систему?»

Витьке-ломовику легче. У него желудок резиновый. И морда нахальная. Такой не пропадет. Он сидит в буфете и дует пиво. Кружок двенадцать за вечер. Такую штуку как-то отколол. Через открытую дверь увидел, как мне отказала девушка, а я стою как оплыванный. Он вылез из-за стола, подошел к этой девушке, подхватил ее за талию и потащил в круг. При этом не

сказал ни слова. И она пошла. И вид сделала, будто Витьку только и ждала, что его сто лет знает. На середине он ее бросил, вернулся в буфет, допил кружку пива и вновь пошел с нею танцевать. И она пошла, и ничего, танцует.

После танцев Витька сказал мне, чтобы я делал, как он. Не надо, мол, перемониться, надо держаться просто. Простота-де облагораживает, а умничанье — оглупляет.

— Не могу, Мишка, смотреть, как ты страдаешь на этих танцах. Смелее надо. Начался танец, хватай за руку, какая поближе, и тащи. Прозеваешь — схватит другой...

Нет, я так не умею. Лучше буду сидеть дома, чем на танцы ходить.

Тут зазвенел звонок, и я пошел на урок.

В МОРОЗНЫЙ ДЕНЬ

В декабре громынуло. Я был дома, когда это случилось. Ночью услышал, как ухнуло; тихо звякнули стекла, и я сквозь сон подумал о том, что это на комбинате.

Иду утром на работу. Еще темно. Стоит пятидесятиградусный мороз. Густой туман. Лампочки на столбах еле еле мерцают. Я в валенках, на мне полушубок и шапка из собачьего меха. Дышу через теплый шерстяной шарф.

Проходная. Достая из варежки пропуск, сую вахтеру, быстро прохожу. Скорее, скорее в цех, к теплу. Заходим в корпус вместе с Монсаровым. Он тоже в полушубке, на усах сосульки.

— С домной что-то, Миша, — сказал Монсаров. — Одевайся теплее: две фуфайки надевай, Миша. Работенка предстоит веселенькая. Все рвался от нас, рвался. А сейчас поди жалеешь? Скучно нам без тебя, Миша. Ты у нас был как сын полка. И чего тебе не

хватало? Куда пойдешь в такой мороз? На домну пойдешь... Вообще-то ты молодец. Давай жми, пока пряткий, эх-хе... А у нас тепло, а у нас Ташкент...

Монсаров говорил и медленно поднимался по лестнице. Я стоял внизу и слушал. Все хотел сказать ему кое-что и ждал, когда он замолчит. Не дождался. Монсаров говорил без пауз, пока не скрылся за дверью мастерской. И через дверь я слышал его бормотание. Удивительный человек этот Монсаров. Я таких еще не встречал. Может молчать неделями, а может говорить без умолку весь день.

Меня подтолкнул Аршан, сказал:

— Миша, ты чего задумался? Замерз?.. Идем в мойку.

Ох, как неохота расставаться с теплым полушубком и шапкой. Вместо этого — фуфайка, стеганные штаны, ватная шапка, подшитые резиной валенки, чтобы не промокли. Все это в мазуте, холодное.

Переоделись. Заходим в мастерскую. Здесь уже Горбунов, Шорец и мастер.

— Игнат, — говорит мастер бригадир. — Получай скорее наряд на демонтаж труб на домне, на прокладку новых линий. Работа предстоит большая...

Мастер ушел. Горбунов дал команду собирать инструмент. Мы вышли на улицу. Идем молча. Все еще темно. Домны вот они — рядом. Вот и та, которая «треснула». Вернее, то, что от нее осталось. Здесь уже сотни людей. Убирают двор — кирпичи, растаскивают балки, сплетения труб, сдирают покореженные рельсы, рушат старую кладку. Из-под обломков извлекают сплюснутые вагоны; краны тащат их в сторону, где стоят газорезчики в ожидании работы.

Домну разбирали полностью, до самой земли. Круглые сутки стучали отбойные молотки.

Мы снимаем покореженные трубы со стен. Везде пыль. Много пыли. Она копилась годами. Вскоре мы стали как трубочисты. Здесь, в помещениях, работал весь наш цех. Слесари делали будки из листового железа. Сварщики вырезали стены и окна по разметкам, а затем сваривали. Прибористы ставили приборы. Мы будем тянуть к ним трубы.

...Мы на площадке каупера. Внизу — весь город, комбинат, как на ладошке, паровозики ползают — жучки и жучки, а люди-то — малюсенькие... Отдыхаем. Около нас грудой лежат дюймовые патрубки с нарезанной резьбой. Ветер свищет, снег сечет лицо. Ярко пылает газовая горелка, пламя мечется. Поворачиваюсь к огню то спиной, то боком. Болят руки, поясница, и вообще чувствую себя разбитым вдребезги. Сюда, на стометровую высоту, мы весь день гнали восьмиметровые трубы в три ряда. Снизу вверх. Соединяли их муфтами, предварительно обматывая резьбу льняными нитками.

Горбунов кричал на нас, подгонял. В обычных-то летних условиях эту работу надо было бы выполнить за три смены. А тут за одну. Такая была дана команда. Аршан сразу сказал, что это невыполнимо. Шорец поддержал его, и они оба отказались работать.

— Ребята, я вас не отпущу. Только через мой труп... Беспредельно. Костьми ляжем, а эту работу сделать надо. Дело-то государственной важности.

— Хорошо, — сказал Аршан. — Я остаюсь, буду работать на совесть, но за итог не ручаюсь. Не верю, что мы выполним задание. И знай: работаю в бригаде последнюю смену.

— На чужом горбу славу зарабатывать, — подал голос Шорец. — Деньги на машинешку тебе нужны... Я тоже работаю последнюю смену...

Я ничего не сказал. Лично мне Горбунов нравился, и он сейчас был прав. Я держал конец трубы, а второй конец

болтался над землей в двадцати метрах. Руки сводило от мороза, зубы стучали.

— Соединяйте, черти, кончайте глотничать, вот брошу трубу, — отчаянно кричу я.

— Бросать нельзя, — спокойно говорит Горбунов. — Внизу люди работают.

Шорец кинулся вниз по металлической лестнице, чтобы «посадить» трубу на кронштейн. Аршан стал соединять две трубы — верхнюю и мою — муфтой. Делал он это медленно, так как не умел работать в рукавицах. Руки у него были красные, пальцы плохо сгибались, и он ежеминутно прятал их за пазуху. Газовые ключи были покрыты инеем, гайка плохо ходила по резьбе, и Аршан никак не мог подогнать ключ под муфту. Наконец Шорец закрепил нижний конец трубы, и я сам взялся за соединение. Так мы начали. Тяжело начали. Глаза, как говорят, боятся, а руки делают.

И вот к концу дня мы оказались на самой макушке. Здесь стояла киповская будка со щитом. На щите были закреплены приборы. Я уже давно изменил отношение к ним. Без приборов дело труба. Без них домну разжигать не будут. По приборам измеряется расход и давление газа, по ним судят о работе домны, поэтому нам и надо было сегодня подогнать трубы к щиту. И я даже загордился тем, что участвовал когда-то в изготовлении приборов, сказал: «Ребята, а ведь я их красил...»

Смотрю на часы. До конца работы оставалось пятнадцать минут. Дело-то сделано, и пора складывать инструмент. Надо ведь еще дойти до цеха, помыться, обогреться под горячим душем. Но Горбунов сидит и молчит. Он смотрит на муфту, которую держит в рукавице. И чего он в ней увидел? А ничего... Аршан и Шорец помалкивают, сидят, не уходят. А ведь могли бы уйти — де-

до-то сделано! Нет же, выдерживают. Смотрю на часы. До конца рабочего дня осталось пять минут. Ну и характеры. Я будто примерз к площадке.

Горбунов встает. Встаем и мы. И почему-то начинаем смеяться. Губы холодом свело, от этого смех странным получается. Особенно у Горбунова. Аршан и Шорец, продолжая посмеиваться, засобирали инструмент. Горбунов помогает им. Они перешучиваются, переговариваются, а я уже спускаюсь вниз. На душе, несмотря на адский холод, как-то уютно стало.

ДВА НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫХ СЛУЧАЯ

На ремонте домны работают сотни людей, прямо какой-то муравейник, если смотреть с верхотуры. Из брюха домны раздается могучий перестук пневматических молотков, но эта пулеметная дробь не может заглушить людского говора, выкриков команд. Внутрь домны по конвейеру спускаются кирпичи, раствор в бадьях, обратно идет щебенка, и это движение не прекращается ни на минуту. Домна растет, как гриб после дождя. Я заглянул в отверстие в кладке, и увидел множество теней — при свете газовых костров работают парни и девушки в фуфайках и в валенках. Пыль, туман...

Мне особенно-то некогда глядеть по сторонам, потому что своей работы немало, да и мороз допекает. Надо все время двигаться, чтобы не замерзнуть. Наша четверка работает у самого основания домны: мы прокладываем газовые дьюмовые трубы. Чтобы не пробивать в кирпичной кладке отверстия для кронштейнов, мы снимаем старую линию. Стоим в десяти-пятнадцати метрах друг от друга и свинчиваем гайки с хомутиков. У Шорца что-то гайка не свинчивается, и он кричит:

— Ребята, сейчас трубу перережу.

Вы ее подержите, чтобы она не болты-халась...

Мы зажимаем трубу ключами и крепко держим. Шорец режет ножовкой. Вдруг раздается легкий хлопок, и Шорец, вскрикнув, хватается за глаз. Мы подходим к нему. Шорец кисло улыбается, отнимает руку, и мы видим большой синяк под его левым глазом. Аршан захохотал, а Горбунов сказал серьезно:

— В этом отрезке воздух скопился. Надо было сначала пробку вывернуть. В следующий раз, когда будешь резать трубу, морду шапкой закрывай...

Мы сняли линию, и тут попали в руки фотокорреспонденту. Он был в полубубке, весь обвешенный фотоаппаратами.

— Ребята, минутку. Нужен снимок для газеты...

— Нет, нет, — запротестовал Горбунов. — Мы тут не главные. Вон кого снимайте — строителей, настоящих монтажников, — кивнул бригадир в сторону домны, — а мы тут маленькие люди, делаем маленькое дело.

Но фотокорреспондент не слушал. Ему нужен был снимок. Он поставил нас у домны, отстранил Шорца с синяком, нацелился объективом и несколько раз щелкнул затвором фотоаппарата. Затем он сразу же ушел, а мы стали соединять новые трубы. Шорец проворчал:

— Ходят здесь, кому делать нечего...

Шорец, наверное, считал, что настоящая работа связана с физическим трудом, а все остальное просто чепуха. Возможно, я ошибаюсь, возможно, Шорец недоволен тем, что не попадет в газету — но в этом уж сам виноват. Ко мне подошел Горбунов, надел на шею связку бронзовых краников.

— Иди, Миша, к автогенщику. Захвати патрубки. Надо приварить к ним эти краники. Мастер торопит: коллектор ставить надо.

И я пошел в сварочную, которая в ста метрах от домны. Вошел в нее, занял очередь к автогенщику, сел на металлический ящик с песком и задремал. С холода, когда попадешь в тепло, всегда хорошо дремлет. Моя очередь к автогенщику прошла. Горбунов, обеспокоенный моим долгим отсутствием, пришел в сварочную, растолкал меня и обругал. Дело, кричит, стоит, а ты, разэтакий, спишь. Конечно, я был неправ, но и мне надоело слушать его. Монсаров да и Чевтайкин ни одного плохого слова мне не сказали. Ах ты, думаю, матершинник, проучу тебя, на всю жизнь запомнишь Мишку... Я делаю свирепое лицо, беру патрубок, и начинаю прицеливаться, по какому боку садануть Горбунова.

Горбунов мигом разгадал мой замысел, выскочил на улицу. Минут пять мы бегали вокруг металлического домика, но, так и не догнав Горбунова, я вернулся в сварочную. Здесь автогенщик уже приваривал к моим патрубкам краники. Подсаживаюсь к нему, наблюдаю за его работой. Входит Горбунов, спрашивает у меня:

— Как, Миша, проснулся?

Я киваю, и Горбунов с видом победителя уходит. Я никому из наших потом не стал рассказывать об этом случае. И Горбунову надо отдать должное: он перестал на меня ругаться, хотя покрикивал, если было за что.

Это был бы, пожалуй, обычный день на домне, если бы не эти два незначительных случая: синяк у Шорца под левым глазом и моя стычка с бригадиром.

ССОРА И ПРИМИРЕНИЕ

В январе, феврале и марте мы болели. Сначала отболел Горбунов. Затем по больничному пошел Аршан. В феврале слег Шорец. Болел и я. Три дня меня возили на скорой помощи —

из дома в поликлинику и обратно. Мне ставили уколы прямо в чирьи, которые выскочили у меня на ногах. Вот больно было — ужас! Такой боли я еще не испытывал. Я даже без костылей не мог ходить. Эти чирьи будто парализовали мои мышцы.

Только зажали ноги, как чирьи вскочили на спине, плечах и на лице. На лице они держались долго. На одной щеке пройдет, на другой вскочит. И так повторялось несколько раз. А в мае, когда стало тепло, они, эти чертовы чирьи, оставили меня в покое. Но ненадолго. Они мучили меня еще года два. Вот что значит один раз хорошо промерзнуть, как говорят, до самых костей. Дорого обошлись нам двенадцать дней работы на домне в лютые морозы.

В конце марта мы собрались в полный состав. Все были более или менее здоровы. Только мое лицо было залеплено пластырем. В первые дни мы ходили на объекты молча, без шуток. Шорец ни разу не упомянул о своих «эстафетах». Аршан как-то уж очень просто сказал: «А я, ребята, женился...» Ни Шорец, ни Горбунов даже ухом не повели. Как шли молча, так и продолжали идти. Я недоумевал: как же так? Еще пацаном я часто видел в кино или читал в книжках, как после таких слов «а я, ребята, женился...», в бригаде поднимался невообразимый гам. Виновника трясли, подбрасывали вверх, поздравляли. Потом начинались хождения по магазинам, в основном по винным, и в доме новобрачных открывалась стрельба из бутылок с шампанским. Я ожидал, что вот-вот произойдет что-то сногшибательное, но мы дошли до самого объекта, и ничего такого не произошло.

А вскоре мы разругались. Это было в апреле. Солнце уже хорошо грело. Грязь почти прошла. Почки на деревьях набухли.

Мы получили наряд на прокладку

газопровода в мартеновском цехе. С утра мы завезли трубы на три четверти, сгрузили их у стены цеха. Горбунов и Шорец пошли смотреть объект. Дело усложнилось тем, что газовая труба тянулась на пятьдесят метров. Следовательно, мы должны так «отчеканить» линию, чтобы не было утечки. А при такой длине это непросто.

Аршан стоял рядом с патрубком, как с рогатиной. На конце патрубка приварена дюймовая муфта. В эту муфту Аршан просунул трубу-«четвертушку» — как нитку в ушко иглой — и приготовился гнуть ее.

Отворилась дверь, высунулся Горбунов, крикнул:

— Три патрубка по пять метров с короткими резьбами, два колена и три «уточки».

Горбунов скрылся за дверью, а мы принялись за работу. Я отрезал ножовкой патрубки, делал на концах резьбы ушастой леркой. Аршан гнул. Это требовало сноровки, а Аршан был мастером своего дела. Даже Горбунов, этот универсал, не мог так чисто выгнуть «уточку», как Аршан. Все остальное Аршан делал значительно хуже. Только мы сделали, как отворилась дверь, вновь высунулся Горбунов, крикнул:

— Пять патрубков по четыре метра с резьбами под тройники и четыре колена...

Я орудовал ножовкой отменно, почти не ломал полотна. Аршан всегда удивлялся моей сноровке, говорил, что у меня «легкая рука». Сам Аршан за ножовку никогда не брался. А я еще в ремесленном научился резать. Там у нас мало было полотен, и нам приходилось их волей-неволей экономить. Сначала я, конечно, работал осторожно, поэтому медленно, но со временем набрал скорость. А вот с нарезкой резьб у меня было туго. Я с трубами дела не имел.

Я учился в группе слесарей по ремонту заводского оборудования, а не

в группе сантехников. К концу учебы уже разбирал коробки скоростей станков, собирал их, ремонтировал шестерни, шабрил станины, мог отладить даже шлифовальный станок, не говоря уже о наждачном и сверлильном. Слесарь-то слесарю рознь. В КИПе я работал не по специальности — сначала в мастерской, а сейчас вот в бригаде монтажников-сантехников. Я с грустью смотрел на револьверные станки, которые были в нашем цехе. Меня, пацана, просто к ним не подпускали.

Горбунов меня замучил:

— Опять, Мишка, нас подвел, — кричал он. — И чему тебя в ремесленном учили? Простую вещь — резьбу на три четверти не можешь нарезать. Иди-ка сам наворачивай муфту, узнаешь...

Я страдал. Я шел наворачивать муфту, которая шла по резьбе как-то боком, а затем, дойдя до середины, останавливалась. Я крутил ее дальше, и она лопалась...

...Появились Горбунов и Шорец. Вчетвером собрали заготовки и вошли в цех. Линия начиналась от дальней печи. Ее надо было тянуть по стене, где были кронштейны. Она шла низко над полом. Слава богу, без «козлов» обойдемся. Мы стали снимать старую линию, разрезая ее ножовками, скручивая куски с кронштейнов. Тут же навешивали новенькие трубы, соединяли их муфтами. Там, где стена заворачивала, мы ставили колена и «уточки».

В конце линия поднималась вверх и тянулась по крышам пристроек: санчасти, буфета, моек, диспетчерской и спускалась через отверстие в потолке в щитовую, к прибору. Горбунов сказал:

— Наверху газа нет, а если есть, то немножко, угарный. Печи-то напротив. Там пыль и жара. Так что Шорец останется здесь: он, как обычно, с похмелья. Организм у него ослаблен. Задубеет, а потом отвечай за него...

Я ступил на планку приставной лестницы, но Шорец отстранил меня, сказал запальчиво:

— Игнат, ты за кого меня принимаешь? Пусть Мишка на подхвате будет, это его профессия.

— Черт с тобой, лезь, — крикнул Игнат уже сверху.

Они подавали мне старые трубы, а я клал их в кучу. Вскоре Горбунов крикнул мне:

— Все, Миша, слазим...

Они подошли ко мне и сели на кучу труб. Аршан и Горбунов были мокрые, но веселые, а Шорец был мрачный, тяжело дышал.

— Слабак ты, Шорец, — начал Горбунов. — Пьешь часто. А у нас с похмелья-то тяжело. Пора бы понять это. Пуп надорвешь и еще кое-чего. Беспредельно.

— Не так уж и часто пью, — откашлялся Шорец. — Мало ли чего я болтаю. Может так, для веселья... И долго я в бригаде не задержусь. Ради чего я тут газом травлюсь? Жмот ты, Игнат, о людях не заботишься, наплевать тебе на людей...

— Это почему же? — удивленно-обиженно спросил Горбунов.

— По кочану, вот почему, — ругнулся Шорец. — Был бы ты настоящим мужиком, давно бы спецмолоко выбил. Имеем право. А ты по принципу: один ушел, второй пришел...

— Вообще-то, Игнат, Шорец прав, — неожиданно поддержал товарища Аршан. — Мы два года у тебя вкалываем, а толку-то... Разве тебе интересно каждый раз набирать новых, обучать их? У тебя вон голос сиплым стал — ты же его сорвал. И орешь, и орешь... Поори-ка еще раз на Мишку, я тебе поорю...

Разговор, начавшийся так безобидно, неожиданно принял серьезный оборот. Возможно, Аршан и Шорец сговорились и разыграли как по нотам. Во всяком случае я от них жалоб на бри-

гадира не слышал. Значит, все-таки заговор? Это интересно. А может, все вылилось стихийно, накипело, как говорят. Мне-то Горбунов нравился. А что кричит на меня... Что же поделаешь. У меня на самом деле не все получается, как надо. И я не хотел быть яблоком раздора.

— Аршан, не надо за меня «мазу держать», — сказал я ему. — Сам за себя постою, когда потребуется...

Горбунов как-то растерянно посмотрел на каждого из нас. Видно было, что он чувствует себя виноватым.

— Каждого предупреждаю о трудностях, когда приглашаю в бригаду, — сказал он и поджал тонкие, злые губы. — Кому не нравится — скатертью дорога...

— Ну так мне не нравится, — поднялся Шорец. — Такие деньги я в любом цехе заработаю. Везде сантехники нужны. Тем более нашей квалификации.

— И я ухожу, — встал Аршан и подошел к Шорцу. — Хватит, Игнат, сыт по горло...

Аршан и Шорец посмотрели на меня. Возможно, от моего решения зависело многое, коли они не уходят, ждут моего слова. Горбунов тоскливо смотрел куда-то в пространство. Я медлил. Ребята стояли. Да, Горбунов был сейчас неправ. Нельзя так вот просто сказать товарищу, с которым работает бок о бок не один день, чтобы катился к чертовой бабушке.

— И я с вами, — решительно сказал я. — Не прав ты, Игнат, что гонишь нас...

— Не гоню, Миша, дорогой ты мой... Беспредельно! — воскликнул Горбунов. — Хватит, ребята, дурачиться, всему есть предел. И меня понять надо: нервы-то у меня не железные. Надо работать, время идет...

Горбунов отвернулся, сгорбился. Мне стало жалко его. Аршан подошел к нему, хлопнул по плечу, попросил:

— Игнат, покажи-ка наряд...

Горбунов встрепенулся, быстро вынул из бокового кармана фуфайки наряд, подал Аршану. Мы подошли.

— Вот видишь, Игнат, а на демонтаж старой линии наряда нет. Значит, полдня бесплатно работали? Как же так получается? И это уже не первый раз. Ребята, — повернулся он к нам, — а зачем нам-то уходить? Бригадир-то у нас неграмотный, вся бригада против его, пусть и уходит...

— Мастер сказал, что старой линии нет. Но она есть. Мы все видели. И начальство мартена в курсе. Вечером перепишу наряд, — сказал Горбунов растерянно. — И никакой крамолы тут нет. Перепишу...

— Вечером будет поздно. Работа будет сделана, и мы проглотим то, что нам подадут. Знаю я эту бухгалтерию. Иди сейчас, а мы подождем... Ты предварительно должен был сходить и посмотреть объект. Или послать кого-нибудь из нас. Наряд надо показывать всем. Положено...

— Вы что, не верите мне, — сверкнул глазами Горбунов. — Сказал, что вечером переделаю наряд. Или не быть мне бригадиром. Признаю, моя ошибка. И спецмолоко будет! Полезли...

Инициатива перешла к Горбунову. Он действовал решительно и напористо. Вот поэтому-то он мне и нравится.

— Миша, подавай трубы. Шорец, принимай и бросай нам...

Я кинулся за трубой. В душе радуюсь, что все обошлось благополучно, что ЧП не произошло. Я просто полюбил этих ребят, и мне очень не хотелось расставаться с ними.

МУЖСКОЙ РАЗГОВОР

Я подошел к санчасти первого мартена. Открываю дверь, вхожу в приемную. У стола сидит Таня в белом

халатике. Лицо полненькое, а строго как смотрит, мать честная, а сама-то какая важная, умора! Окинула меня Таня снизу вверх — с грязных керзачей до замасленных комбинезона и кепи, сказала:

— Вы заболели? У вас температура? Возьмите градусник...

Она встала из-за стола как-то неуклюже, направилась ко мне. Боже мой, что это такое делается! Совсем недавно я глаз не мог отвести от ее фигурки, а сейчас куда все подевалось?

— На черта мне твой градусник, Таня! — воскликнул я. — Просто поболтать зашел. Мы тут газопровод тянем. А ты чего такая?

— Мишка! Дурачок ты мой, ха-ха... — всплеснула руками Таня (хотя она изменилась внешне, но в остальном осталась прежней). — А я тебя не узнала, фу-ты, какой страшненький в этой робе. Проходи-ка, милый Мартын, к столу. Вот так, садись да не прячь свои глазки-голубоглазки... Что, не нравлюсь я тебе такая? Ничего, Миша, это дело временное. Вот выражу ребеночка, и опять на себя походить буду.

Она неожиданно замолчала, поскучилась, отвернулась к окну. Я гляжу на нее во все глаза, и разные мысли витают у меня в голове. Значит, Таня вышла замуж, а мы и не знали. Алька-то, дурак, телился, такую девчонку кому-то уступил. Вот почему Алька в последнее время нас, друзей, избегает, ходит хмурый. В школе на перемене издали махнет рукой, и пошел в свой класс. Конечно, Таня его «пнула». Алька-то еще в армии служить. После десятилетки в институт поедет. Подумала Таня, подумала, да и «пнула». Вот Алька и запереживал. А нам, друзьям, ничего не говорит. Стыдно ему, что Таня его бросила. Гордый он. И мне стало обидно за друга, говорю Тане:

— Не ожидал от тебя... Алька-то позеленел весь. Жалко мне его. И тебя жалко. Вы же любите друг друга. Знаю, знаю... Скажи, за кого хоть вышла? Наверно, за какого-нибудь инженерика. Вы ведь все такие: из-за диплома на кого угодно повеситесь...

— Дурачок ты Мишка, — в сердцах сказала Таня. — Если бы не знала тебя, то обиделась бы. Надул меня Алька. Уж обещал, уж распинаясь: в медовый месяц за границу поедem, хорошо жить будем. А как узнал, что я забеременела... Если пойдешь к отцу, говорит, то совсем от тебя откажусь. А у меня и в мыслях ничего такого не было. Почему я должна к его отцу идти? Я сама во всем виновата. Как подумаю об этом — стыдобушка! Представь себе, Миша, захожу я к председателю завкома, говорю: «Иван Александрович, ваш сын Алька скоро папой будет...», а сама пузо вперед — на, председатель, любуйся, твоего сына дело. Нет, Миша, я не такая. Пусть все к черту летит... И любовь, и все...

— Не может быть, — прошептал я, ошеломленный. — Не верю я, Тань.

— В кого ты, Мишка, такой? И хватишь в жизни горя! Ты как ребенок: не верю... Пора мужать, Миша. Твои-то друзья далеко от тебя ушли... Вот послушай.

Таня взяла мою руку, прижала к своему животу, и я ладошкой ощутил легкие толчки.

— Слышишь, ребеночек бьется, — улыбнулась Таня. — Да не красней, честное слово, беда мне с тобой...

— Не верю я, Таня, — сказал я с мольбой в голосе. — Насчет Альки не верю. Друг он мне...

— Уходи, Миша, надоел ты мне, — устало проговорила Таня.

Я поспешно попрощался, мигom выскочил из санчасти. Не помню, как прибежал в свой цех, помылся, оделся в чистое, выбежал из цеха. Проходящая, туннель, трамвай — все промель-

кнуло, как в калейдоскопе. Да, надо с Алькой поговорить по-мужски... Правда, по-мужски я еще ни разу не говорил и не знал, как начинать. Может, сразу в лицо бросить обвинение: негодяй, обманщик... Или начать издалека, привести пример из классики, но как нарочно ничего в голову не приходило.

Вот и Алькин дом. У пельменной стоит телефонная будка. Захожу в нее, звоню. Я знаю, что Алька сейчас дома: сегодня в школу. Так и есть. Алька мне отвечает:

— Слушаю... А, это ты, Мишель! (Ужасно, сколько мне Алька имен напридумывал). — Заходи... я один дома.

— Алька, мне некогда. Выйди во двор... Для мужского разговора. В квартире неудобно, сам должен понимать — вдруг папаша нагрянет?

Я вешаю трубку, иду во двор, в садик. Вокруг зеленые кустарники и деревья. Листья уже распустились, но через ветви еще видно окна дома, но ничего, терпимо. Появился Алька, в шерстяном спортивном костюме и в кедах.

— Что случилось, Мартын? — спросил он.

— Ребенок твой? — спрашиваю я неожиданно для себя и, как мне кажется, для самого Альки. — Таня мне все рассказала.

— Ах, вон ты о чем, Мишель, ха-ха... — засмеялся Алька. — Болтушка она, так и скажи ей. А ребенок не мой.

Но я сразу понял по тому, как смеялся Алька, что врет он, процедил сквозь зубы:

— Врешь, псина, ребенок твой — по глазам вижу, — я поднялся со скамьи. — Кобель ты... Теперь-то я убедился, что ты — трепач и трус...

— Не мой ребенок, честно, — угрюмо сказал Алька и сделал шаг назад. — И не обзывайся, я хук правой

здорово отработал — сразу ляжешь.

— Я тебе сейчас шею сверну, — выставил я кулаки. — Ты со своим хуком бледный вид иметь будешь...

— Убери лапы, Мартын, хватит шутить. Еще не хватало, чтобы такие друзья, как мы, взаправду подрались, — сказал Алька серьезно и первый опустил руки. — Мой ребенок, мой, успокойся...

Алька неожиданно замолчал, расслабленно опустился на скамейку.

— Но, знаешь, не надо... Чего ты, мальчишка, понимаешь во всем этом? Запутался я...

Смотрю на него растерянно: как запутался, почему запутался? А раньше-то чего думал?

Вдруг Алька вскочил, зло крикнул мне в лицо:

— И вообще, не вмешивайся! Это наше дело, как-нибудь сами разберемся. Давай, Мишель, катись-ка ты отсюда...

Алька повернулся и ушел. Я ничего не понимал. Стоял и смотрел ему вслед, пока он не скрылся в подъезде. Мужской разговор не получился. Мне было не по себе.

ЧП

Меня и Шорца послали в рельсопрокатный цех исправить газовую линию. Где-то была утечка — барахлил наш прибор — и нам было дано задание скорее найти повреждение. Мы надели каски, на плечи повесили сумки с противогазами, взяли ведро, кусок мыла, кисть, набрали немало разного инструмента и пошли. Если на нас посмотреть со стороны, то ни за что не догадаться, кто мы такие...

Мы налили в ведро воды, развели мыло и спустились в колодец. Из него начинался узкий туннель. Мы идем по туннелю и промазываем кистью трубу, которая прикреплена к бетонной стене. Шорец ворчит:

— Эту линию сделал Горбунов. Нет бы самому пойти сюда. Он тут каждый закоулочек знает...

Мы мажем горячую трубу. Вода моментально превращается в пар. Мыло подгорает, издавая неприятный запах. Мы надеваем противогазы. Соединения — муфты, уголки и тройники — смазываем особенно тщательно. В туннеле жарко, как в парной. Сверху сыплется горячая окалина. Я уже мокрый с головы до ног. Рубашку и комбинезон хоть выжимай. А еще эти противогазы. Задохнуться можно. В глазах темно, в висках постукивает. Шорец остановился, склонился над муфтой, мазнул кистью. Поднялся пар и появился мыльный пузырек. Мы мажем еще и еще. Пузыри растут быстро и тут же лопаются. В чугунной муфте трещина. Была бы стальная, можно было бы зубилом «зачеканить» трещину. А чугунная — тронь ее — расколется. Надо идти дальше, до конца. Возможно, впереди еще есть чугунные муфты. Будем менять все. Все равно отключать теперь линию.

Вдруг Шорец запнулся, упал. Я жду, когда он встанет, но Шорец лежит. Я переворачиваю его вверх лицом. Глаза закрыты, лицо потемнело. «Газку хлебнул, — мелькнула мысль. — С противогазом что-то...» Я быстро подхватываю Шорца под мышки и тащу назад. Тяжел, однако, детина. У меня сердце готово выскочить из груди. Хорошо хоть отошли недалеко. Вот и колодец. Тут прохладно, газа нет. Снимаю с себя и с Шорца противогазы. Высовываюсь из колодца, вижу вальцовщика Витьку, кричу ему, машу каской. Витька увидел, показывает на меня ребятам, что-то говорит, бросает щипцы и бежит ко мне.

Я ныряю обратно в колодец, склоняюсь над Шорцем. Витька уже здесь. Он поднимает грузноватого Шорца и лезет вверх. Я подталкиваю снизу.

...Я сижу в санчасти. Шорец лежит

на кушетке с кислородной подушкой.
— Состояние тяжелое... — тихо говорит сестра.

Я заплакал. Вошли мужчины. Сестра гладит меня по голове, говорит:

— Не плачь, мальчик. Скажи лучше, как его фамилия...

— Шо-орец, — отвечаю.

— Сейчас приедут из КИПа, — сказал один из вошедших. — Начальник цеха Панченко сообщил, что на объект ушли двое — Илья Сумароков и Михаил Мартынов. Первый — опытный работник, второй — ученик.

— Как тебя звать? — спросил важный мужчина.

— Мишка я, Мартынов.

— А твоего товарища?

— Шорец...

— Возможно, с ними был и третий. Ищите Сумарокова, — сказал важный мужчина и всех как ветром выдуло из санчасти.

Приехали наш Панченко и главный инженер. Прибежал Горбунов и Аршан. Вернулись люди, посланные, как оказалось, начальником рельсопрокатного цеха. Они сказали, что спасатели прошли всю трассу, но Сумарокова не нашли.

— Его искать и не надо, — прояснил Горбунов. — Он перед вами, на кушетке...

Меня выдворили из санчасти. Я сидел на пороге и размазывал по лицу слезы. Аршан мельтешил около меня:

— Ты одурел, Мишка? Расскажешь наконец как было дело? Нам это важно, понимаешь, важно... Фамилию Шорца забыл, дурак, всех запутал.

Аршан был растерянный, бледный. Да и все были встревожены и удручены случившимся. ЧП в цехе КИП и автоматики. Такого еще не было. Из санчасти выскочил Горбунов, обнял Аршана, расцеловал меня.

— Очнулся, ожил Илья! — воскликнул Горбунов. — Как я рад! Беспредельно...

Вздых облегчения. Аршан был мрачным — не отошел еще. Горбунов, наоборот, как-то неестественно возбужден — сильно перенервничал. Я заметил, что Горбунов назвал не Шорцем, как обычно, а Ильей. Когда мы уходили в мойку, Аршан сказал:

— Слава богу, Илья выкарабкался.

И я сказал тоже:

— Илья-то... Он не подведет...

И все-таки, несмотря на благоприятный для начальства исход, это было ЧП. Горбунов получил выговор, а мастера старика сняли с работы. Бригадира наказали за то, что поставил когда-то чугунные муфты на газовую линию вместо стальных. А мастера — за все остальное.

ДОМА

С работы я пришел чертовски усталый. Сажу за столом и смотрю безучастно, как мама наливает мне борщ в тарелку, затем ставит ее передо мной, режет хлеб. А у меня аппетита нет. Перед глазами жаркий и узкий туннель. Вот Илья падает, и я тащу его. Всего-то двадцать пять — тридцать метров, но каких! Я переживаю все пройденные метры заново, и мне, как ни странно, становится страшно. А вдруг бы я растерялся, промедлил, и Сумарокова бы не стало. А если бы я сам не выдержал, когда тащил — сил бы не хватило — и меня бы не стало... У меня подрагивают пальцы рук, я изо всех сил стараюсь не разреветься. Мне становится жалко всех — маму, Илью и себя.

Мама сразу заметила мое состояние.

— Тебе тяжело, Миша, хороший мой, тяжело? — спрашивает она, берет мою голову и прижимает к себе. — Я вижу, что тяжело. Чем я могу помочь, Миша, скажи мне?.. Не надо было, наверно, уходить от Монсарова?

Я беру ложку. И всегда, когда мне

тяжело, а мама пожалеет меня — успокаиваюсь.

Поел, вылез из-за стола, пошел в комнату. Снял с полки книгу — роман «Даурия». Этот роман я взял в городской библиотеке. Его читает весь наш сорокаквартирный дом. За две недели книга превратилась в мочало. И сегодня наверняка кто-нибудь придет и попросит почитать.

В моем распоряжении два часа. Полчаса — на чтение романа, и полтора часа на учебники. Сегодня в школу. Мама пойдет в ночную смену. Я лежу с книгой на кровати. В комнату заходит мама, садится на свою кровать напротив, берется за вязание.

А мне не читается. Думаю о том, что правильно, что не рассказал маме о сегодняшней смене. Она бы сильно расстроилась. Она работает в ОТК железнодорожного цеха. Вот где я ни разу не был. Часто мечтаю о том, чтобы посмотреть на маму в рабочей обстановке. Как она выглядит, что делает. Думаю, встану где-нибудь в створке и буду наблюдать. Но в этот цех мы не ходим — нашей бригаде в нем делать нечего. Цех подсобный, не «горячий», и в нем наших приборов нет.

Я кладу книгу на пол, закрываю глаза и мгновенно засыпаю. Мама будит меня, я вновь беру книгу, но мама говорит:

— А в школу? Не идти, что ли?..

Как это не идти. Я смотрю на часы. Батюшки! Спал ровно два часа, а я думал, что минут пять. Поднимаюсь, начинаю собираться. А как не хочется, боже мой! Хочется броситься на постель и спрятать голову под подушку.

У СУМАРОКОВА

Через несколько дней я пришел к Илье. Кое-как нашел его лачугу. Она совсем затерялась среди больших зда-

ний. Вокруг траншеи, навалены кучи земли, кирпича и щебня.

Илья сидел под яблонькой перед мольбертом и рисовал. Он был в белой рубашке. Я прошел через огород, подкрался сзади и заглянул ему через плечо. Илья рисовал свой подслеповатый домишко, на который со всех сторон наступали девяти- и двенадцатиэтажные дома. На холсте я увидел вечер и молодость старого города, и этот умирающий домик. Илья почувствовал мое дыхание у себя за спиной, резко повернулся.

— Мишка! Напугал ты меня!.. — воскликнул Илья, положил кисти на стол, пожал мне руку. — Здравствуй. А я так увлекся. На днях должны снести дом, и я спешу нарисовать его с натуры. Поэтому и живу еще в доме. Мне тут на пару дней работы. Жена с дочкой уже перебрались в новую двухкомнатную квартиру. У меня здесь почти ничего и не осталось. Кровать, этажерка да картины. Идем, посмотрим...

Мы прошли маленькую верандочку, вошли, согнувшись, в дом. Везде грязь и запустенье. Кухонка крохотная, затем комната, которая была единственной в этом печальном доме. Все стены были завешены картинами. Несколько картин, написанных красками, были о нашей бригаде. Вот Горбунов в шапке-ушанке с кожаным верхом, в фуфайке, подпоясанный широким монтажным поясом. Бригадир нарисован на фоне разрушенной домны. Лицо у него суровое. Я гляжу на него и вижу, какие у него тонкие, можно сказать, женские черты лица, острый, прямой нос, глаза большие, а взгляд стремительный. Горбунов красивый, а я не замечал этого раньше. В углу картины вязью написано четверостишие.

Я — школяр в этом лучшем из лучших миров.
Труд мой тяжок: учитель уж больно суров!
До седни я у жизни хожу в подмастерьях,
Все еще не зачислен в разряд мастеров...

Я не мог понять смысловой связи между портретом и четверостишьем, но спрашивать у Ильи не стал. Он мне не объясняет, значит, так надо.

Аршан был такой же, как всегда. Гнет «уточку». Лицо небритое, шапка сбилась, фуфайка расстегнута, во рту папироса. Рубаха-парень, одним словом.

Гляжу я на себя — и похож, и нет. Стою с кувалдой, как с палицей. Широкоплечий, приземистый, будто богатырь Алеша Попович, одетый в комбинезон. Из-под берета космы торчат. А лицо мальчишеское. Растерянное и робкое. Портрет мне понравился, значительно лучше, чем фотография, которая хранится у Альки.

Илья снял со стены портрет и написал угольком: «На память Мишке». Поставил дату, расписался и подал мне.

— Возьми свой портрет. Вижу, что он тебе понравился. И я рад. Вообще твои картины никому не дарю. Эх, Миша, я тебе обязан! Приходи-ка на новоселье. Через пару дней в это же время. Адрес: Ворошилова, 50—15. И почаще заходи. Вот что, давай породнимся. Моей дочери десятый годик пошел, тебе восемнадцатый. Отслужишь в армии, закончишь учебу, и отдам за тебя дочь. А что, лучшего зятя и не сыскать. Ей-то, Аленке, ты понравишься, уж я ручаюсь...

Я обалдел от его слов, смутился и поспешил перевести разговор на другое.

— И скажешь тоже... Илья, мне твои картины нравятся. Я в этом деле профан, но мне они как обыкновенному человеку нравятся. Почему бы тебе выставку не сделать. У меня друг Алька участвовал в выставке фотографии, получил грамоту... А ты, гляжу, настоящий художник, поэт еще. А чего ты все темнил про эстафету — по сто да по двести — противно слушать было...

— Бывали у меня дни беспокойные, — улыбнулся Илья. — Человек — не робот. — Смуглое лицо Ильи стало добродушным. — Рисую для себя. Чтобы со скуки не сдуреть. Была, Миша, у меня мечта голубая, не сбылась. Четверо братьев и сестер воспитывал, обучал и одевал. Все хочу съездить к отцу в Смоленск да посмотреть, как подлецы выглядят... А стихи, Миша, не мои. Омара Хайяма.

Илья взял с этажерки маленькую книжечку, подал мне, сказал:

— Возьми себе. Мне уже ни к чему... Ну, Миша, спасибо, что навещал, — заторопился Илья, стал снимать со стен картины и складывать на пол. — Привет нашим. Спасибо начальству за путевку. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Съезжу в Сочи и — на работу. Поживу еще с недельку в новой квартире. С женой договорился — одну комнату под мастерскую.

Мы пожали друг другу руки. Илья проводил меня за калитку. Я пошел в темноту, прижимая к себе портрет, который мне понравился. И умеет же Илья одним мазком сделать лицо живым и приятным. Да, живопись — это тебе, Алька, не фотография.

И НАС ОСТАЛОСЬ ТРОЕ...

И вновь июнь. За год произошло несколько событий. Я закончил восьмой класс, Витька — девятый, Алька, соответственно, десятый. А Генка в девятый не перешел. Еще в октябре прошлого года в коридоре школы был вывешен приказ, в котором говорилось, что Геннадий Губоров исключается из школы за подделку свидетельства об окончании седьмого класса. Помню, что приезжал его отец на блестящей легковушке, заходил к директрисе. В результате Генке разрешили с нового учебного года сдавать экзамены за

шестой класс. Но Генка сказал, что ему на эту древнюю школу наплевать, что тренер обещал пристроить его в физкультурный техникум, только играй, Генка, да забивай голов побольше.

Но главное-то событие заключалось в том, что Алька расписался с Таней. Когда мы вышли из загса, Алька расхохотался, сунул небрежно паспорта в карман пиджака, сказал развязно:

— Это потрясно... Танюха, у меня в портфеле фата, может, наденешь?..

— Перестань паясничать, Алька, — сказала Таня. — Витя и Миша, берите Аленьку за белые ручки и ведите в такси. Шофер, бедненький, нас ждался. Поедем мы к дорогому папочке, а то сыночек так и не сказал ему обо мне. Хорош сыночек.

— Алька, не жмись, давай коньяк, ты обещал, — сказал Витька. — Хряпнем для смелости. И я твоего папы что-то побаиваюсь. Хотя и профбюрократ твой папа, а зря ты так: по-человечески надо было. В общем, я беру портфель, а ты, горе-жених, бери невесту под руку, Миша, пристраивайся справа, я — замыкаю.

Мы направились к такси. Какой-то мужик, заметив, что мы вышли из загса, крикнул:

— Эй, парень, смотри не растраши ее. До дому не довезешь...

Алька, не оборачиваясь, сказал:

— Витек, догони и дай хаму пендаля своим сорок девятым...

— Не отвлекайся на посторонние предметы, — ответил Витька. — Наша задача — штурмовать папашу...

Мы сели в такси. Витька, завладевший портфелем, достал вторую бутылку шампанского (первую мы распили в загсе), посмотрел на нее, сунул обратно. Затем он вытянул бутылку коньяка, сорвал пробку. Я пить наотрез отказался. Мне к Генке надо идти. Он пригласил меня на пикник, за город,

Альку и Витьку он не пригласил. И вообще Генка стал чего-то от нас откляпываться. Мы его видели очень редко. В цехе он почти не бывал — команда перешла на круглогодичную тренировку. Иногда я видел его в заводоуправлении, около кассы, когда он получал зарплату. У него, конечно, появились новые друзья, и ему было не до нас. И потом Генка злился на Альку за то, что тот увел у него Таню. Витька же при случае всегда Генку заводит: «Генка, ты в ворота СКА не забил ни одного гола. Лучше бы ты в Новосибирск не ездил. И Таню проездил...»

Мы доехали до Алькиного дома, вылезли из машины и вошли в подъезд. Поднялись на второй этаж, стали полукругом около двери. Алька позвонил. Открыла Маргарита Васильевна, полная женщины, миловидная, в переднике — видно, готовит обед. Это не родная мать Альки, а мачеха. Мне кажется, что слово это какое-то противеньское, и впервые я услышал его от Альки. Маргарита Васильевна отступила в глубь огромного коридора, как бы приглашая нас войти.

— Маргарита Васильевна, — сказал Алька, — познакомьтесь — моя жена Таня...

— Ах, ах!.. Ох-хох!.. — завздыхала Маргарита Васильевна, схватилась за сердце.

Появился Иван Александрович, крупный, в подтяжках. Рубашка белая, шелковая, с галстуком — работал, наверно, у себя в кабинете. Он разглядывал Таню, стоявшую впереди, Альку, который небрежно держал дымящуюся папиросу в зубах. Руки у него были в карманах. Он чуть привалился к стене, постукивал подошвой туфли о пол. Витькины кулаки в карманы не влезали, и он держал их перед собой.

Первой пришла в себя Маргарита Васильевна.

— Вот она, современная молодежь! — закричала она, наступая на Таню.

— Не надо, Маргоша, — сказал Иван Александрович, поморщился, положил руку на плечо жены, и она сразу сделалась меньше ростом, отступила. — Витя, Миша, — продолжал Иван Александрович, — можете идти. А мы тут по-семейному. Значит, если не ошибаюсь, передо мной моя невестка?.. Так, сын? Вынь-ка папиросу, когда с тобой говорит старший, не ломайся. Веди себя прилично — глава семьи, завтра отцом будешь...

Иван Александрович взял Таню под руку, повел в свой кабинет. Алька завихлял за ними. У дверей он остановился, сказал, обращаясь к нам:

— Ребята, все в ажуре — он достал паспорта, похлопал ими о ладонь, добавил, но не для нас, а для Маргариты Васильевны: — Против этого никуда не попрушь...

Мы вышли из квартиры. Спустились по лестнице вниз, вывалились из подъезда на улицу.

— Уф! — сказал Витька. — Одного пристроили. Считай, что нас осталось трое. А если вычесть неполноценного Генку-дубаря, то полноценных осталось двое. Ты куда сейчас кости кинешь?

Я понимал, что с уходом Альки — этого мозгового центра — братство наше распалось окончательно.

— Иду к Генке. Едем за город, на природу...

Витька посмотрел на голубое небо, яркое солнце, сказал:

— И я с тобой... Возьмем бутылку на всякий случай. Может, в последний раз вместе соберемся.

Мы пересекли садик и вышли на проспект Энтузиастов, вошли в гастронорм. Генка жил на Школьной, напротив Дворца. За десять минут мы дошли до его дома. Я крикнул:

— Генка! Я здесь!..

— Дубарь, отзовись! — заорал Витька, и Генка пулей вылетел на балкон. — Чего ты не отзываешься? Привык резину тянуть... Лучше бы в Новосибирск не ездил...

— Дома я, дома! — заговорил Генка. — Не надо орать, не надо...

Мы пошли к нему в квартиру. Он нас встретил на пороге. Три комнаты были заполнены гостями. В центре внимания были две Генкины сестры. Обе молоденькие, красивые, как говорят, кровь с молоком. Иринка подлетела к нам, защебетала: «И вы, ребята, с нами. Как сегодня будет весело, как будет хорошо...» Она зацепила Витьку и потащила на балкон. Вторая сестра Наташа даже не посмотрела в мою сторону. Вот к Альке бы она подошла. Алька ей нравится.

Мы прошли с Генкой в комнату, сели на диван. Я рассказал ему о загсе, о том, как мы «пристроили» Альку.

— Потеряли человека! — воскликнул Генка. — Наташа, плачь, Алька с Таней расписались... Прощай, Питер, и все прочее. Теперь заочное отделение Сибирского металлургического. Вот уж какой он вуз ненавидит... И на черта он связался с ней? Я сразу понял, что она себе на уме. Когда я с ней ходил, мы были здесь. Она тут раскомандовалась: диван выбросим, шкаф новый поставим, это — туда, другое — сюда, то да се, бэ да мэ... Нет, думаю, мне в футбол играть надо, по городам поездить. В армию осенью возьмут. Мне места в Хабаровском и в Новосибирском СКА приготовили. На мой выбор...

Зазвенел телефон. Генка подошел к столу, взял трубку.

— Хорошо, папа, выходим...

Это звонил, как я понял, Генкин папа, начальник автобазы. Генка крикнул, что сейчас подойдет автобус. Все стали собирать свои сумки и авоськи, поднялись и дружно пошли на улицу.

ОТЪЕЗД

Я пришел с работы домой в прекрасном настроении: как же, справился с заданием самостоятельно. Сам Горбунов остался мною доволен. Мама встретила меня с заплаканным лицом, подает мне повестку. Читаю мельком: «...Явиться с вещами в школу № 8... при себе иметь...» Я не скрывал своей радости и очень удивился, что мама не разделяет ее со мной. И когда я увидел, что мама плачет, умерил свой восторг.

— Не плачь, мама. Через три года вернусь, — сказал я и обнял ее. — Все равно меня бы призвали — не в этом году, так в том.

Итак, надо собираться. Я достал чемоданчик, стал укладывать в него вещички. Мама сказала, что сделает это сама. Она уже не плакала, была серьезна и сосредоточенна. Я пошел на улицу, чтобы позвонить Альке: давненько не видел его. Как он там, жентик?

— Как дела, Альк, почему не даешь о себе знать? — спросил я.

— Ты чего, Мишка, не звонишь, паразит несчастный. Ты у меня хук правой заработаешь, да, заработаешь. Телефон мой забыл? Беги скорее ко мне, идем в роддом к Тане. Сын у меня родился неделю назад. Быстро ко мне, я на передачу иду.

Я повесил трубку, побежал по своей Куйбышевской, мимо рынка, пересек Курако, и вот улица Кирова. Всего-то триста метров от моего дома до Алькиного. Алька стоит под аркой. Увидел меня, махнул своей серой кепкой. Мне даже смешно стало: стоит под аркой, как в футбольных воротах. Я pinaю в него катыш, кричу: «Лови!..» Мы идем в роддом. Алька хвалится:

— Четыре кило потянул. Хочу Юджином назвать...

— Это не имя, а фамилия... Американская, — сказал я и фыркнул.

Мы подошли к большому зданию, попали внутрь его через боковую дверь и оказались в тесной комнате. Здесь было много народу. Мы протиснулись к окошечку. Алька выложил на поднос свои свертки, сверху положил большое письмо. Я взял карандаш, лист бумаги и написал записку: «Здравствуй, Таня! Поздравляю тебя с рождением сына, желаю вам крепкого здоровья. Тань, а меня в армию призывают. Через три дня уезжаю. Миша».

Алька прочел мою записку, хмыкнул:

— Вот балда, чего же раньше не сказал...

Молоденькая девушка унесла передачу и наши письма, а мы сели на стулья и стали ждать ответы.

— Генку берут, — сказал Алька после минутного молчания. — Пойдем к нему. К Витьке не поедет — пока в Точирино доберешься, время потеряешь. Я ему позвоню на работу.

Тут вернулась девушка, подала нам ответы, мило улыбнулась, взяла новый поднос и скрылась. Это было первое в моей жизни письмо, полученное от женщины. Я с непонятным волнением раскрыл его, стал читать: «Здравствуй, Миша! Спасибо, что навестил. Чувствую себя хорошо. Олечка ужасный крикун, ужасно жадный — от груди не могут оторвать; сестра забирает его от меня, а он сердится, кричит.

Значит, уезжаешь, покидаешь нас. И мне, и Альке так будет не хватать тебя. Мы все будем скучать по тебе, дядя Миша! Думаю, что к твоему отъезду меня отпустят домой, так что приду провожать. Целую тебя в твои розовые пухленькие губки. Таня».

Алька потянулся ко мне за письмом, но я спрятал его. С какой стати я отдам ему письмо, которое предназначено мне?

Мы вышли из роддома. Идем медленно. Вечер прекрасный. Много лю-

дей гуляют по проспектам Metallургов и Энтузиастов. Из горсада слышится музыка.

— А ты говорил, что Юджином называешь, — сказал я, нарушив тишину.

Алька был какой-то задумчивый, не веселый. Или он не рад, что сын у него? Или обиделся, что я не дал ему почитать Танино письмо? Нет, что-то Алька захандрил.

— Да это я так, дурачился, — сказал Алька серьезно. — Олег все же лучше. Мишк, пойдем в кабак. События у нас вон какие! Вас в армию призывают, у меня сын родился. Отметить надо. Положено! Позвоним Генке, скажем, что мы в ресторане, что заняли на него место. Быстро прибежит...

Мы вошли в ресторан, нашли свободный столик, так как было еще рано. Заказали на троих. Столик наш стоял у эстрады. Четвертый стул Алька убрал, чтобы к нам не подсел посторонний.

— Не люблю, когда посторонние, — сказал Алька. — Ни о чем поговорить нельзя. Пей и жри молча — не могу я так. Столов поставили — и по пять-шесть стульев. Им надо план выполнять, а нам какое удобство. Жаль, нет Витьки...

Мы выпили по две рюмки, закусили, а Генки все не было, хотя он с восторгом прокричал в трубку, что будет через десять-пятнадцать минут. Прошло сорок! Когда мы выпили по третьей, dokonчили пиво, появился Генка. И не один. С ним была его сестра Наташа. Так вот почему Генка так долго собирался! Ах, что тут стало с Алькой. Ок закрутился волчком, забегал — принес стул, нашел официантку и сделал новый заказ, подбежал к оркестрантам и заказал музыку. Генка кивнул мне, и мы поднялись, пошли в туалет...

— Я не виноват, — начал Генка, когда мы вышли из зала. — Вы позвонили, а Наташка была у телефона, все

слышала. Ну и привязалась. Ты же знаешь, у них была любовь...

Что поделаешь, как тут сердиться на Генку. Тем более, что Альке понравилось, что пришла Наташа, он повеселел. Ну и пусть!

— А чего, собственно, произошло особенного? Разве мы не друзья? Разве мы не имеем права отметить события? — сказал я.

— О чем разговор, Миша, — поддакнул мне Генка. — Имеем, друзья мы.

Однако на душе у меня было неспокойно. Когда мы вернулись в зал, Алька с Наташей покатывались со смеху. Как выяснилось, они рассказывали друг другу анекдоты. Алька налил всем по рюмке, произнес тост за дружбу. Мы выпили. Генку и Наташу Алька заставил выпить по «штрафной». Генка сразу вцепился в мою пуговицу на пиджаке, начал вертеть и говорить:

— Веду я волдырь по правому краю, смещаюсь к центру, и бью левой под перекладину. Военком говорит (это мне передали после игры): «Этот парень через неделю будет играть в новосибирском СКА...» Буду служить рядом с домом. Ребята из СКА уже были у меня дома. Посидели, поговорили. Ждут меня... А ты куда призываешься? Не знаешь, ну и дела. Пойдем сегодня в школу, найдем сержанта, он нам все скажет.

— Получится ли, скажет ли, — механически говорю я, а сам краешком глаза наблюдаю за танцующими Алькой и Наташей. Они не смеялись. Они были серьезны. Почти одинакового роста. Высокие, стройные, мускулистые (Наташа баскетболистка). Наташа в ситцевом платье с вырезом. Длинные белокурые волосы, которые так нравились мне, закрывали ей спину. И бог ты мой, Наташа положила на Алькино плечо свою красивую головку, и Алька остороженько поцеловал ее в шею. Ну и дела! И вдруг я понял мно-

тое, и сердце у меня сильно застучало. А как же Таня с Олежкой? Что же это такое получается?

— Пойдем, узнаем, куда твоя команда направляется, в каких войсках ты будешь служить, в каком городе, — сказал Генка и потянул меня за рукав. — Оставим их. Третий лишний, знаешь? Кладем на стол полста и убираемся...

Мне ничего не оставалось, как подяться и пойти за Генкой. Мы вышли с ним на улицу. Какая теплая ночь! Звезды на небе горят ярко. Мы вышли на проспект Metallургов, пересекли его, дошли до горбатого моста и свернули направо, к школе. Здесь, в саду, вповалку спали призывники. Скамейки тоже были заняты. Где-то пиликала гармошка, слышался девичий смешок.

Мы зашли в школу. Дневальный пропустил нас в зал, который был тускло освещен. На полу спали ребята и на сцене спали. Ступить некуда. Настоящее сонное царство иногородних призывников. Появился сержант. Генка поздоровался, назвал номер моей команды...

— Радиотехнические войска, отправляетесь через три дня, к десяти часам утра на вокзал. Прошу не опаздывать.

Мы вышли из школы. Ему-то, Генке, хорошо — он будет служить рядом с домом. А вот какво мне... Господи, как долго я никого не увижу. Тоска сдавила мне грудь. Мы идем по проспекту, останавливаемся на Театральной площади. Генке надо налево, на свою Школьную. Я вижу его дом — длинное, серое здание. Мне надо направо. Смотрим друг на друга и молчим. Чувствую, что это наша последняя с ним встреча. Хочу обнять Генку.

— Ладно, Миша, ладно. Ты чего это так расчувствовался? Как девчонка. Ты, Миша, выпил лишку. Давай, держи лапу и жми домой. Прощай, Миша!..

ЧТО ЖЕ СЛУЧИЛОСЬ СО МНОЙ?

Колонна двигалась на вокзал. Иду в конце колонны, первым в шеренге. Мама идет рядом. В воздухе сплошной галдеж. Не слышно, что говорит мой сосед в строю. По обеим сторонам проспекта выстроились люди. Многие провожают колонну.

Молоточки стучат в моих висках; людей, дома, деревья, небо — все это вижу, как во сне. Спотыкаюсь, чуть ли не падаю, и мама поддерживает меня под руку. К тому же мои глаза застилают слезы. Мне стыдно, и я низко опускаю голову, чтобы никто не заметил моего состояния. Ничего не говорю, не отвечаю на мамины вопросы — и сам не могу понять — что же случилось со мной? Ведь было так весело, так радостно, когда получил повестку... И вдруг я услышал знакомый голос, которого так ждал, и даже себе боялся признаться в этом:

— Миша, дорогой мой мальчик...

Таня подбежала ко мне, поцеловала в щеку, прошептала:

— Миша, а Миш, ну не надо, не надо так. Будь мужчиной, Миш. Гляди молодцом, ну гляди же...

У меня немножко отлегло, и я поднял голову. Алька шел рядом, улыбался во все лицо.

— Привет, Миша! Как самочувствие? — спросил он. — А куда вы тогда с Генкой смылись? А мы с Наташкой здорово побалдели...

«Шалопай Алька, — подумал я. — За него переживаешь, а он «побалдели»...

Колонна начала втягиваться в вокзал, Таню и маму отеснили от меня. Я крикнул:

— Буду писать, Тань, можно? Мне больше некому писать...

Хотел сказать, что у меня нет девушки, которой бы я мог писать, но постеснялся — вокруг народ, засмеются.

Таня поняла меня, слышался ее звонкий голосок:

— Пиши, Мишенька, пиши!..

Началась посадка. Я вошел в вагон и бросился к окну. Все окна уже были облеплены призывниками. Прорываюсь то в одно купе, то в другое, и везде то же самое — нигде не могу найти свободного места. Мама, Таня, Алька и, возможно, Витька с Генкой, ребята с работы — на перроне. Мне надо их увидеть, надо. Отчаявшись, пытаюсь оттащить одного, второго, третьего призывника от окна; от меня отбиваются руками и ногами. Всем

хочется глядеть на перрон! Бегу назад, в тамбур, но и здесь проход занят. Как мне не везет! Слезы наконец хлынули из моих глаз. Я уже не боюсь, что меня увидят плачущим, и до меня ли сейчас всем остальным! А тут еще и поезд тронулся. Какое тут к черту стеснение!

— До свидания, Таня! — кричу во всю силу своих легких. — Я тебе напишу-у-у!..

И, будто услышав меня, паровоз отозвался протяжно:

— У-у-у, а-а-а...